

к 81 чув-2
А 65
к-71047

Е. А. АНДРЕЕВА

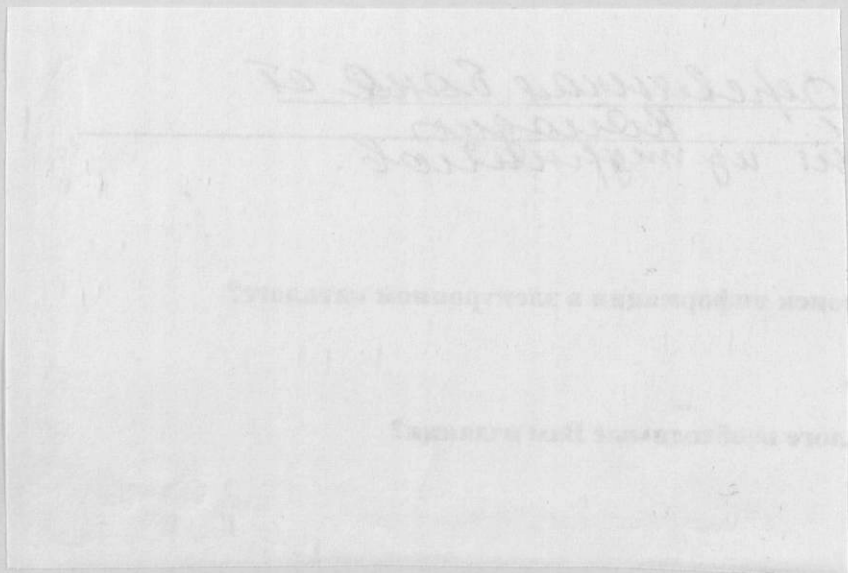
**ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

ЧЕБОКСАРЫ 2014

Национальная библиотека ЧР

к-071047

Обязательство

К814уВ-2
А 65

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»

Е. А. Андреева

чр

**ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Монография

Чебоксары 2014

УДК 811.512.111'366

ББК 81.635.1 – 211

А 665

Андреева, Е. А. Производные глаголы в словообразовательной системе чувашского языка / Е. А. Андреева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – 158 с.

Печатается по решению ученого совета ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (протокол № 2 от 26.09.2014 г.)

Рецензенты:

кандидат филологических наук, ведущий сотрудник отдела языкознания БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» МО и МП ЧР **Л. П. Петров**;

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» **М. Г. Вазанова**;

кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» **А. Д. Ахвандерова**.

В монографии описана история изучения аффиксального глаголообразования в тюркологии и в чувашском языкознании, изложены принципы описания, основные понятия и единицы словообразования применительно к чувашскому языку. Рассмотрены такие теоретические аспекты чувашского словообразования, как структурно-семантические особенности производящих основ, семантическая соотносительность производящих и производных слов, функциональная природа аффиксов глагольного словообразования. Определены модели глаголообразования и словообразовательные значения, свойственные рассматриваемой области деривации.

К-71044

Национальная библиотека
Чувашской Республики

© Андреева Е. А., 2014

© ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных тюркских языках аффиксальное словообразование представляет собой один из продуктивных способов порождения производных единиц. Тем не менее до настоящего времени описаны не все структурно-семантические и функциональные особенности языковых средств, вовлеченных и вовлекаемых в глагольное словообразование. Еще не полностью описаны словообразовательные модели, не выявлен полный инвентарь средств глаголообразования.

Рассмотрение этих вопросов во многом способствует пониманию сути тюркского аффиксального словообразования в целом.

В монографии описана краткая история изучения аффиксального глаголообразования в тюркологии и в чувашском языкознании, изложены принципы описания, основные понятия и единицы словообразования применительно к чувашскому языку. Сделана попытка выявления средств и способов аффиксального глагольного словообразования, определены существующие на современном этапе развития языка модели и словообразовательные значения, свойственные рассматриваемой области деривации. Рассмотрены такие теоретические аспекты чувашского словообразования, как структурно-семантические особенности производящих основ, семантическая соотносительность производящих и производных слов, функциональная природа аффиксов глагольного словообразования.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. ОСНОВНЫЕ ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Изучение глаголообразования в тюркологии

Вопросы, связанные с аффиксальным глаголообразованием, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей тюркских языков. Происхождение глаголообразующих аффиксов, словообразовательное значение производных слов, значение производящих основ, продуктивность и непродуктивность аффиксов, отношение залогов к глагольному словопроизводству – вот далеко не полный перечень вопросов, разрабатываемых в трудах тюркологов. О разнообразии тюркской глагольной аффиксации дают наглядное представление, во-первых, специальные исследования, во-вторых, грамматики тюркских языков.

Из специальных исследований нужно назвать фундаментальную работу Э. В. Севортяна "Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке" [63]. Автор подчеркивает, что формы глагольного (как, впрочем, и именного) словопроизводства берут свое начало в глубочайшей древности, задолго до появления первых памятников письменности на тюркских языках, вероятнее всего в эпоху максимальной общности тюркских языков [63, 4]. В монографии тщательному анализу подвергаются отыменные глаголы, образованные посредством а) продуктивных (их - 8) и б) непродуктивных (их - 16) аффиксов. Производные глаголы классифицируются по конкретным лексическим значениям производящих основ, раскрывается се-

мантическое строение нового глагола, выясняются отношения между значениями именной основы и производного глагола.

В заключении своей работы Э. В. Севортян приходит к следующим выводам:

1. Между значением отыменного производного глагола и значением производящей основы имеется определенное отношение, производящая основа означает орудие, средство (материал), предмет, название, признак предмета и т.д. Эта система соотношений пронизывает все глагольное словообразование.

2. Для образования отыменного глагола не имеет значения принадлежность основы к какой-либо именной части речи - существительному, прилагательному и т. д., поскольку именная основа входит в производный глагол лишь своим реально-вещественным, но не грамматическим значением части речи.

3. Подобно тому, как существуют продуктивные и непродуктивные формы глаголообразования, так и в составе значений продуктивных глаголообразующих форм существуют продуктивные и развивающиеся значения и уже непродуктивные, или умирающие, значения.

4. Многозначность производного глагола имеет своим источником многозначность именной основы, функциональных отношений между значениями именной основы и глагола и многозначность глаголообразующего аффикса.

5. Грамматическое словообразование, в том числе и глагольное, принадлежит морфологии тюркских языков, поскольку продуктивная форма основы в них есть в то же время форма части речи. Обслуживая словарь, грамматическое словообразование

тем не менее остается в системе морфологии, равно как грамматические формы слов, обслуживая синтаксис, также остаются в границах морфологии.

Мы остановились подробно на выводах Э. В. Севортыяна потому, что они во многом способствуют пониманию сути тюркского глаголообразования в целом. Что касается последнего вывода, то он является далеко не бесспорным. На современном этапе развития лингвистики вряд ли кого-нибудь приходится убеждать в том, что словообразование является автономной системой (подсистемой) языка.

Следующей значительной работой в области тюркского глаголопроизводства является монография В. Л. Исенгалиевой "Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка" [32], в которой наряду с аналитическими рассматриваются и синтетические формы производных глаголов. Глаголы размещены по следующим лексико-семантическим группам: 1) со значением "заниматься тем, что означает производящая основа; 2) со значением "быть тем, кого называет производящая основа"; 3) обозначающие воздействие на предмет при помощи инструмента, орудия, названного производящей основой; 4) обозначающие воздействие на предмет при помощи материала или вещества, названного производящей основой; 5) со значением "превращать в то или делать таким в соответствии со значением производящей основы; 6) со значением "подвергать тому или подвергать воздействию того, что означает производящая основа"; 7) со значением "снабжать тем, что означает производящая основа"; 8) со значением "превращаться в то, или делаться таким в соответствии со значением произво-

дящей основы; 9) со значением "подвергаться тому или подвергаться воздействию того, что означает производящая основа"; 10) со значением "снабжаться тем, что означает производящая основа".

Это одна из первых работ в тюркском словообразовании, где семантика производных глаголов исследуется и выводится из значения мотивирующих основ. Тщательному и всестороннему анализу подвергаются глаголы двенадцати современных тюркских языков, образованные главным образом с помощью наиболее производительных аффиксов *-ла*, *-лан*, *-лаш*, *-ландыр*, *-лашдыр*.

Всесторонне анализируя тюркские глаголы с заимствованными основами, В. Исенгалиева приходит к следующим выводам: процесс заимствования свидетельствует об обогащении языка, о его полной самобытности и свободе, высоком уровне развития, так как может успешно осваивать обширный круг заимствованных слов, не нарушая своих правил и законов; свободное усвоение заимствованных слов тюркскими языками объясняется не только высокой степенью их развития, но также основными направлениями сложных процессов, происходящих в этих языках; глаголы с заимствованными основами более склонны к сужению своей семантики, к терминологизации, поэтому они являются составной частью научной и публицистической речи, для которой характерна точность выражаемых понятий; заимствование имен существительных сопровождается одновременно образованием на базе их новых глаголов.

Проблемам глаголообразования посвящено исследование А. А. Юлдашева "Система словообразования и спряжения глаголов в башкирском языке" [80], где наряду с другими способами исследуется и аффиксальный. Автор рассматривает образование глаголов от других частей речи посредством 14 аффиксов, называет продуктивные и малопродуктивные модели глагольного словопроизводства, указывает наиболее типичные значения производных форм. Отмечается, что источником аффиксального образования глаголов в башкирском языке являются главным образом имя прилагательное, затем звукоподражательные комплексы и имя существительное.

Работа Л. Н. Харитонova "Типы глагольной основы в якутском языке" [76] посвящена якутским глаголам, где он специально рассматривает и производные глаголы, которые Л. Н. Харитонов делит на три группы: 1) глаголы действия-состояния; 2) звукоподражательные глаголы; 3) образные глаголы. Большое внимание уделено анализу производных форм глаголов действия-состояния, образованных посредством живых глаголообразующих формантов (приводится всего восемь аффиксов с их многочисленными вариантами). Описание производных глаголов построено по семантическим разрядам слов, от которых они образованы. По свидетельству автора, это связано с тем, что новые глаголы "приобретают разнообразное, более конкретное семантическое содержание в зависимости от значения и употребления той первичной основы, от которой образован данный глагол" [76, 92]. Детальному анализу подвергается семантика производных форм. Значения глаголов классифицируются по типам глагольного понятия, исходящего

из семантики производящей основы. Например, отсубстантивные глаголы на *-лаа* размещены в четырнадцати семантических группах.

Ф. А. Ганиев описанию системы глаголообразования посвятил специальное исследование [20], в котором рассматриваются значения глаголообразующих суффиксов в связи со значением производящих основ, всесторонне анализируются исходные основы с точки зрения их лексико-грамматического характера и языка-источника. Отмечается, что в татарском языке производящими основами глаголов могут быть слова всех знаменательных частей речи, но самыми продуктивными основами выступают имена существительные, прилагательные, глаголы, звуко- и образоподражательные слова [20, 90]. Выявлено всего 62 суффикса глаголообразования. Из них производительными в настоящее время являются около 10 суффиксов. Сказано, что многие глаголообразующие суффиксы (автор пользуется термином "суффикс") в татарском языке полисемантчны. Ряд суффиксов (*-лаштыр*, *-лантыр*, *-лан*, *-лаш*, *-лат*) имеют от 5 до 10 словообразовательных значений. Самым многозначным автор считает суффикс *-ла*, у которого отмечено около 30 значений.

Касаясь одного из самых сложных вопросов суффиксального глаголообразования в тюркских языках, а именно — функции залоговых форм, Ф. А. Ганиев совершенно справедливо пишет: "В тюркских языках суффиксы, отмечаемые как залоговые, выражают и лексико-семантическое значение, и поэтому они должны рассматриваться и как словообразующие средства" [20, 88].

Анализируя большое количество имеющейся специальной литературы, Ф. А. Ганиев приходит к следующему выводу: "До последнего времени значения суффиксов глаголообразования раскрывались главным образом по интуиции исследователя, вне зависимости от производящих основ. В настоящее время наблюдаются большие сдвиги в исследовании суффиксального словообразования. Во-первых, в некоторых трудах по тюркским языкам подвергается анализу весь структурно выделяемый состав глаголообразующих суффиксов. Во-вторых, отмечаются их основные значения, причем раскрываются они по объективным критериям, только в связи и зависимости от производящих основ" [20, 5].

Глаголы, образованные от именных, глагольных и других основ, рассмотрены также в грамматиках хакасского [26], шорского [28], тувинского [33], турецкого [38], тофаларского [60], караимского [49], уйгурского [50], узбекского [37], ногайского [25], карачаево-балкарского языков [24].

По свидетельству авторов грамматики хакасского языка, образования с одним и тем же аффиксом могут иметь несколько значений. Например, при помощи форманта *-ла(-ле)* с его вариантами *-на(-не)*, *-та(-те)* образованы глаголы от имен со значениями: 1) "использовать как орудие, предмет, обозначенный исходной основой"; (*пы:ахта* "ударить ножом" от «*пычак*» "нож", *имне* "лечить" от *им* "лекарство"); 2) "охотиться; собирать то, что обозначено исходной основой" (*абала* "охотиться на медведя" от *аба* "медведь", *чистекте* "собирать ягоды" от *чистек* "ягоды"); 3) "делать, производить то, что обозначено исходной основой" (*алгыста* "благодарить" от *алгыс*

«благодарность»); 4) "наделять признаком, обозначенным исходной основой" (*ниикте* "облегчить" от *ниик* "легкий"); 5) "подвергнуть действию то, что обозначает исходная основа" (*наахта* "давать пощечину" от *наах* "щека"); 6) "посещать места, проводить время, обозначенное исходной основой" (*чайла* "проводить лето" от *чай* "лето"); 7) снабжать тем, что обозначает исходная основа (*ыста* "дымить" от *ыс* "дым") и т.д. [26, 165-167].

В шорском языке отмечен факт образования уменьшительных глаголов с помощью аффиксов *-мзра(-мзре)*: *ылгамзра* "прослезиться, чуть плакать" от *ылга* "плакать", *кјлјүмзре* "улыбаться, чуть смеяться» от *кјл* "смеяться" [28, 117]. Факт этот примечателен тем, что исследователями других языков он не отмечается.

Ф. И. Исаков и А. А. Пальмбах отмечают численное превосходство производных глаголов над простыми в словарном составе тувинского языка [33, 258]. Отмечается, что в этом языке глаголы с аффиксом *-ла* группируются по значению так же, как и в других языках. Однако внутри каждой из таких групп конкретные значения отдельных глаголов варьируются под влиянием своеобразных условий жизни народа и особенностей развития национального языка [там же, 259].

А. Н. Кононов делит производные глаголы турецкого языка на производно-отыменные и производно-отглагольные, наряду с продуктивными приводит ряд непродуктивных и архаичных аффиксов [38]. По мнению известного тюрколога, аффикс *-ла(-ле)* в турецком языке является самым продуктивным глаголообразующим аффиксом. В своей известной работе он

пишет: «*-la(-le)* сочетается с именами существительными, прилагательными и звуко-образо-подражательными словами. Этот аффикс, как и производные от него *-la+ş*, *-la+n*, *-la+t*, *-la+ş+tır*, *-la+n+dır*, является самым продуктивным глаголообразующим аффиксом» [38, 256].

По свидетельству В. И. Рассадина, в тофаларском языке аффикс *-la* стал придавать отдельным глаголам значение недостаточности в противоположность другим тюркским языкам, где при его посредстве создаются слова со значением учащательности. По его мнению, и учащательность, и недостаточность действия представляют собой количественное значение [60, 239].

В грамматике караимского языка со ссылкой на Э. В. Севортяна говорится, что для образования отыменного глагола пригодны не всякие именные основы, но лишь такие, которые по отношению к действию, выражаемому производным глаголом, обозначают орудие или средство действия, предмет действия или их признак, форму (способ, вид), место, время и субъект действия [64, 78].

Автор грамматики уйгурского языка В. М. Насилов приходит к следующему выводу, в определенный исторический период имя и глагол находились в очень тесной близости друг с другом и из одного образовалось другое [50, 78].

Наметились некоторые дискуссионные проблемы, к числу которых относится прежде всего отношение залогов к тюркской деривации. Ряд ученых залоговые формы относят к глаголам, образованным от глагольных основ [24, 25, 16, 15, 27].

Другая группа исследователей придерживается противоположного мнения, рассматривая залоговые формы глагола в разделе о формообразовании глагола [37, 33, 68, 23, 49].

Имеется и третье направление, представители которого считают, что залоговые показатели содержат в себе одновременно залоговое и словообразовательное значение. Так, например, А. А. Юлдашев пишет: "Один и тот же залоговый аффикс в одном случае покрывает собой только залоговое значение, совершенно не касаясь лексического значения основы и таким образом, имеет исключительно словоизменяющий характер; в другом, наоборот, не имеет никакого залогового значения, а служит целям исключительно словообразовательным; в-третьих, в одно и то же время имеет и залоговое, и словообразовательное значение" [80, 86].

Итак, обзор имеющейся литературы по аффиксальному глаголообразованию в тюркских языках приводит к следующим выводам:

1. Наиболее разработанным оказалось описательное направление словообразования с его формально-структурным аспектом. Наименьшее развитие получило динамическое направление словообразования – область, в которой должны ставиться и решаться ряд проблем, связанных с синтезированием производных единиц, уясняться работа словообразовательного механизма как динамического целого. Не нашло должного развития и аналитическое направление словообразования, призванное заниматься выработкой методики и принципов анализа деривационных конструкций.

В тюркской словообразовательной науке длительное время господствовали приемы статистического и фрагментарного исследования. Еще не обособлен и не исследован функционально-семантический аспект тюркского глагольного словообразования. Однако имеющиеся попытки семантической классификации производных глаголов некоторых языков свидетельствуют о том, что и в тюркской дериватологии наблюдается тенденция дифференциации отдельных аспектов словообразования. Отрадно это видеть и осознавать потому, что современная лингвистика настоятельно диктует изучение явлений, лежащих на пересечении словообразования и семасиологии.

2. Имеется большой разноречивостью в исходных теоретических положениях и исследовательских методах. Одни исследователи описывают глаголообразование исходя из аффиксов, другие – исходя из семантики производящих основ или же из значения производных единиц и т.д. В большинстве случаев не разграничивается синхронический и диахронический планы словообразования.

В некоторых работах обсуждается категориальный аппарат исследования и вводится определенная словообразовательная терминология, однако до сих пор в исследованиях лишь эпизодически появляются термины "словообразовательная парадигма", "словообразовательный ряд", "словообразовательная цепочка", "словообразовательная пара". Между тем совершенно ясно, что никакая теория словообразования не может быть адекватной, если в ней не будут учтены парадигматические и синтагматические факторы развития языка.

3. Термин "словообразовательная модель" используется тюркологами крайне редко. Соответственно, анализируются не модели, а аффиксы глаголообразования. Из различных критериев, характеризующих словообразовательные аффиксы (валентность, активность, регулярность, частотность, продуктивность, употребительность и т. п.) использованы лишь некоторые. Регулярность, частотность, употребительность глаголообразующих формантов в исследованиях не отражена. Их валентность (присоединение аффиксов к словам одной или нескольких частей речи), продуктивность (прежде всего синхроническая) нашли некоторое освещение в специальных исследованиях и грамматиках. Диахроническая же продуктивность (доля, т.е. количество производных с данным аффиксом, накопившихся в языке со времени возникновения модели) и частотность (т.е. суммарное количество словоупотреблений с данным аффиксом, содержащихся в выборке различных текстов) не нашла отражение ни в одной работе по тюркской глагольной деривации.

Выявлены и описаны не все функции аффиксов глагольного словообразования. Наиболее полно освещена семантическая функция аффиксов, наименее полно – их комбинаторная функция. Имеются исследования, в которых предпринята попытка установления аранжировки и иерархии присоединения аффиксов в структуре производного глагола. Намного хуже разработан вопрос о закономерностях деривационной комбинаторики, определяющих сочетаемость производящих основ и формантов.

В большинстве работ выдвигается идея о многозначности формантов глаголообразования. Но даже в специальных исследованиях не отражена связь между функциональной нагрузкой формантов и их продуктивностью, зависимость комбинаторных свойств деривационных аффиксов от их морфемной структуры и валентности. В зависимости от частеречной характеристики производящих основ производные глаголы подразделяются тюркологами на две основные группы: 1) глаголы, образованные от именных частей речи; 2) глаголы, образованные от глагольных основ.

4. В исследованиях основной упор делается на план выражения. Семантика как основа классификации осознана далеко не всеми тюркологами. Лишь в немногих исследованиях представлен анализ значений в структуре производного слова. Соответственно целый комплекс важнейших семасиологических проблем тюркского словообразования еще не выдвинут.

5. Достижения в исследовании тюркского глагольного словообразования бесспорны, как бесспорно и то, что изучение частных проблем этой области деривации, имеющей еще много белых пятен, является насущной потребностью тюркской дериватологии.

Исследование производных глаголов в чувашском языкознании

Наиболее употребительные аффиксы глаголообразования нашли свое отражение в ряде исследований, посвященных чувашскому языку. В работе известного чувашевода и тюрколога Н. И. Ашмарина производные глаголы впервые нашли широкое освещение [13]. В разделе, посвященном образованию гла-

голов, рассматриваются глаголы возможности, образованные посредством аффикса *-ай(-ей)*; возвратные глаголы с характеристикой *-н* и *-л*; взаимные глаголы с показателями *-ш*, *-йш(-ёш)* и *-ç*. Назван также аффикс *-ла(-ле, -ала)*, с помощью которого образуются глаголы, выражающие напряженность и разнообразность действия: *чав* – копать, рыть; *чавала* – разрывать, раскапывать; *сул* – наклонять; *сулла* – качать и аффикс *-кала(-кале)*, показывающий учащенность, разносторонность действия [13, 258]. Однако выделение аффиксов *-ай(-ей)* и *-кала(-кале)* в качестве словообразовательных нельзя считать удачным, потому что они могут присоединяться абсолютно ко всем глаголам и показывают только характер совершения действия (возможность – невозможность, многократность). По этой же причине такие формы в настоящее время не включаются в словники чувашско-русских словарей.

В качестве словообразующих аффиксов, необходимых для производства глаголов от имен и частиц, Н. И. Ашмарин приводит следующие: *-ла(-ле)*, *-р*, *-ар(-ер)*, *-ән(-ён)*, *-ал(-ел)*, *-шән(-шён)*, *-л(-ёл)*, *-ах(-х)*, *-хай*, *-лан(-лен)*, *-лаш(-леш)*. По нашему мнению, выделение аффикса *-хай* в глаголе *сарăхай* не совсем верно. Скорее всего здесь мы имеем дело с глаголообразующим аффиксом *-ах* (*сарă* + *ах* = *сарăхай*), а элемент *-ай* представляет собой формообразующий аффикс.

Существенным является то, что в таких глаголах, как *пӑрлан*, *чиперлен*, *шиклен*; *сутлаш*, *тавлаш* Н. И. Ашмарин выделил *-лан(-лен)* и *-лаш(-леш)* как самостоятельные словообразующие аффиксы. Например, по поводу *-лан(-лен)* он пишет, что это "собственно не что иное, как предыдущее *-ла(-ле)*

с характеристикой возвратных глаголов *-н*, но я помещаю этот аффикс отдельно, так как ни один из вышеприведенных глаголов на *-лан(-лен)* не употребляются в действительном залоге" [13, 264]. А в отношении аффикса *-лаш(-леш)* он отмечает, что с его помощью образуются глаголы только с взаимным значением. Но факты чувашского языка позволяют говорить нам о таких же глаголах с медиальным значением (напр., *кутӑнлаш* "упрямиться, капризничать", *танлаш* "равняться").

Аффиксы *-кӑр, -хӑр* и *-ӑртат(-ӑртет), -ӓлтат(-ӓлтет)* выделяются им как образующие звукоподражательные глаголы. На наш взгляд, выделение аффикса *-ӑртат(-ӑртет), -ӓлтат(-ӓлтет)* не совсем оправдано, потому что в чувашском языке имеются самостоятельные звуко- и образоподражательные слова со структурными элементами *-ӑр(-ӑр)* и *-ӓл(-ӓл)*, шапӑр "подр. звуку льющейся жидкости" в глаголе *шапӑртат* "шуметь (о воде)"; струиться, литься", качӑр "подр. скрипу, хрусту" в глаголе *качӑртат* "скрипеть, хрустеть, издавать скрип, хруст". Как можно заметить, значение приведенных глаголов связано не с подражаниями *шап* и *кач*, а именно с *шапӑр* и *качӑр*. В другой своей работе [14] Н. И. Ашмарин в одноклассных глаголах (*шалтӑртат* "стучать", *йӑкӑлтат* "извиваться; двигаться извиваясь" (выделяет аффикс *-ат* (*a + t*)). По его мнению, конечное *-т* здесь первоначально аффикс повелительного глагола (там же, 142). Надо сказать, что данная точка зрения тоже не совсем верна. Если в вышеназванных глаголах можно выделить *шалтӑрт*, *йӑкӑлт*, то в таких примерах, как *ваштӑртат* "шуршать, шелестеть", *вӑтӑлтет* "мелькать" в качестве исходных основ невозможно выделить

ваштӑрт, вӑтӑлт. В рассматриваемой же работе он отмечает и другие аффиксы, образующие звукоподражательные глаголы: *-ка(-ке), -а, -ла(-ле), -лат(-лет), -кӑш(-кӑш), -чӑн, -шӑн*.

Как особый род глагола Н. И. Ашмарин выделяет понудительные, которые образуются от всех прочих глаголов путем прибавления аффиксов: *-ар(-ер), -т, -тар(-тер)*. К понудительному относит он и глаголы *мӑнтӑрлат* "сделать толстым, раскормить", *тӑрлет* "поправить", где, по его мнению, конечное *-т* сменило *-н* (ср., *мӑнтӑрлан, тӑрлен*). Но следует заметить, что в чувашском языке нет глаголов *мӑнтӑрла-*, *тӑрле-*, к которым могли бы присоединиться *-н* или *-т*. Поэтому в вышеназванных глаголах целесообразно выделить аффиксы *-лан(-лен)* и *-лат(-лет)*, которые присоединяются непосредственно к именным основам.

Из ранних исследований по чувашскому языку можно еще отметить работу Н. В. Никольского "Конспект по грамматике чувашского языка" [51], где образование глаголов от простых глагольных основ он рассматривает аналогично Н. И. Ашмарину.

Другой исследователь чувашского языка Т. М. Матвеев в описании производных глаголов также в основном придерживается взглядов Н. И. Ашмарина. Поучителен факт, указанный в работе Т. М. Матвеева. Он отмечает, что "чувашский глагол имеет только один залог – действительный" [48, 86]. Из этого следует, что все те формы глаголов, которые в настоящее время многие лингвисты относят к залоговым, он считал новыми лексическими единицами, не выражающими субъектно-объектных отношений.

В грамматике Ф. Т. Тимофеева описываются в основном те же глаголообразующие аффиксы, которые встречаются у Н. И. Ашмарина и Т. М. Матвеева. Но, в отличие от предыдущих исследователей, он считает производные глаголы типа *юсан* (*юса-н*), *мухтан* (*мухта-н*) и *сивён* (*сивё-н*), *йёпен* (*йёпе-н*) образованными с помощью одного и того же аффикса "-н, -ӓн, -ён". По его мнению, словообразующий аффикс "-л, -ӓл, -ёл" тоже может образовать глаголы как от имен, так и от глаголов, *чёрёл*, *ватӓл* и *сурал*, *сарал*. [69, 62].

В статье Н. А. Андреева "Аффиксы чувашского языка" [10] впервые раскрывается природа и значение глаголообразующего аффикса *-ла(-ле)*, который "весьма продуктивен и широко распространен в словообразовании чувашского языка" [10, 167]. Новым в этом исследовании является то, что автор выделяет конкретные лексические значения производных глаголов исходя из семантики производящего слова. Н. А. Андреевым приводятся такие значения глаголов с аффиксом *-ла(-ле)*: 1) "производить действие при помощи орудий и предметов"; 2) "придавать при помощи предметов качество их другим предметам или наделять их частью своих свойств"; 3) "нанести действия по месту, выраженному именем"; 4) "уничтожить то, что выражено именем"; 5) "сделать, производить то, что выражено именем, образующим глагол"; 6) "произвсдить действия с изданием звуков, выраженных словом"; 7) "находиться в каком-нибудь состоянии или предаваться какой-нибудь деятельности".

Новым в работе Н. А. Андреева является также отражение некоторых морфонологических процессов, происходящих при глаголообразовании с помощью рассматриваемого форманта.

Показывается, что слова, оканчивающиеся на *й*, *ё*, при образовании глаголов в большинстве случаев теряют эти звуки, *ташй* "пляска" – *ташла* "плясать", *ырй* "добрый" – *ырла* "одобрять" [10, 169].

Более тщательному анализу подвергает производные глаголы В. Г. Егоров [29]. Он отмечает, что глаголы образуются от именных и глагольных основ и только частично от междометий и подражательных слов.

Производные глаголы В. Г. Егоров рассматривает исходя из того, к какой части речи присоединяется тот или иной аффикс. Сами аффиксы автор группирует в зависимости от конкретного лексического значения производных глаголов. Например, аффиксы *-йн(-ён)* и *-лан(-лен)* даны вместе, так как все производные глаголы с этими аффиксами имеют значение "становиться таким, какое качество означает лежащее в основе данного глагола имя прилагательное, или со значением действия, имеющего то или иное отношение к предмету, обозначенному существительным, лежащим в основе глагола" [29, 159].

Роль аффиксального глаголообразования в обогащении лексики чувашского языка описана А. Е. Горшковым. "Образование глаголов путем присоединения к именам существительным словообразовательных аффиксов, – пишет автор, – это один из наиболее продуктивных способов в чувашском языке. Этим объясняется то, что глаголы, в основу которых легли русские слова, в большинстве своем созданы путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к заимствованному русским существительным. Например: *апатлан* "есть, принимать пищу", *апатлантар* "дать кому поесть, ёретле

"привести в порядок", *ёскёртле* "складывать скирду, что-нибудь сложить в скирду", *вырӑслан* "обрусеть", *кирпӗчле* "выделывать в форме кирпича", *красӑсынла* "испачкать керосином" [22, 162]. Здесь же отмечено, что глаголы, образованные посредством деривационных аффиксов от заимствованных русских прилагательных, в чувашском языке встречаются редко. Это связано с тем, что аффиксы глаголов способны присоединяться лишь к качественным прилагательным, а последние среди заимствованных русских прилагательных составляют абсолютное меньшинство [там же, 163].

Тщательному анализу подвергает производные глаголы И. П. Павлов [58]. Заслуживает внимания то, что он рассматривает многие структурно выделяемые аффиксы в чувашском языке, начиная от самых продуктивных и кончая самыми непродуктивными. В его работе таких аффиксов 24. Как и многие тюркологи, все аффиксы он подразделяет на две большие группы, продуктивные (5) и непродуктивные (19). Опираясь на исследования тюркологов, утверждает, что при помощи многих аффиксов на ранних стадиях развития языка могли создаваться глаголы как от имен, так и от глаголов. Некоторые из них (*-ал(-ел)*, *-ан(-ен)*, *-аш(-еш)*, *-ар(-ер)*) служили для образования глаголов от глагольных и именных основ, а впоследствии стали обслуживать категорию залога. Отмечено, что в чувашском языке аффиксы залога не потеряли словообразовательную функцию. Доказательством тому являются производные типа *хирӗс* "ругаться, браниться", *вӑрç* "воевать, сражаться; драться", *пулайш* "помогать", *килӗш* "договориться". По этой

же причине, как отмечает автор, все залоговые формы включаются в словники чувашско-русских словарей.

В очерке "Чувашский язык" [9], автором которого является И. А. Андреев, указаны наиболее продуктивные аффиксы именного глаголообразования. Отмечено, что в чувашском языке имеются производные глагольные основы с различными залоговыми показателями, но нейтральные к грамматической категории залога, например, *пулӑш* "помогать" (от основы *пул* "быть"). По мнению автора, все залогообразующие аффиксы могут выступать также в словообразовательной функции, например, *тапӑн* "нападать", *уттар* "идти шагом" [9, 54-55].

Интересные мысли о глагольных аффиксах высказаны Л. С. Левитской [40]. В разделе "Глагол", где аффиксы сгруппированы с учетом их генетических (этимологических) связей, говорится о трудности разграничения аффиксов, образующих глаголы от именных и от глагольных основ, так как некоторые из них оказываются "универсальными" [40, 165]. В работе анализируются и такие производные глаголы, которые, по сути дела, должны быть объектом этимологического, а не словообразовательного анализа. По мнению автора, некоторые чувашские формы, в том числе и словообразовательные аффиксы, имеют своим источником тюркские языки, условно относимые к кыпчакскому типу. Некоторые же элементы, в том числе и деривационные, можно назвать, по пояснению автора, и собственно чувашскими.

Производные глаголы рассмотрены и в монографии М. Р. Федотова "Чувашский язык в семье алтайских языков" [74]. Словообразовательные аффиксы подразделены им на

продуктивные и непродуктивные. Отдельно рассматриваются отыменные и отглагольные образования. Особенностью этой работы является то, что производные глаголы описываются в ней в сравнении с материалом древнетюркского и современных тюркских языков, во многих случаях приводятся чувашско-марийские соответствия.

В разделе об образовании глаголов от вербальных основ приведены примеры, представляющие собой "вторичные глаголы, образованные при помощи особых аффиксов, выражающих в широком смысле характер протекания действия основного (смыслового) глагола, непосредственно не связанного с субъектно-объектным отношением (залогом) [74, 41]. Анализируются дериваты, образованные: 1) с помощью аффиксов отыменного глаголообразования (-ла(-ле), -та(-те), -ар(-ер), -ӓх(-ӓх)); 2) с помощью специальных аффиксов -ала(-еле), -кала(-келе). Что касается аффикса -кала(-келе), нам кажется не совсем правильным отнесение его к словообразовательным. В чувашском языке этот формант присоединяется ко всем глаголам и образует форму многократности.

Залоговые формы М. Р. Федотов считает вторичными глагольными основами, выражающими субъектно-объектные отношения. Вместе с тем им отмечаются и глаголы, в которых первоначальное залоговое значение приобрело новую семантику, например, *кӓлӓш* "договариваться, соглашаться друг с другом" [74, 76].

Глаголообразование с помощью продуктивных аффиксов описывается Л. П. Сергеевым в книге "Чувашский язык" [66]. К продуктивным аффиксам он относит следующие, -ла(-ле), -

лан(-лен), -лаш(-леш), -лат(-лет), -тат(-тет), которые участвуют в производстве глаголов от именных основ, звукоподражательных слов. Автор отмечает, что в современном чувашском языке самым продуктивным является аффикс *-ла(-ле)*, который может образовать слова с разнообразной семантикой. По свидетельству автора, в чувашском языке глаголы могут образоваться и от глагольных основ с помощью аффиксов, *-ӓн(-ӓн)*, *-ӓл(-ӓл)*, *-ӓс(-ӓс)*, *-ӓш(-ӓш)*. Подчеркивается малочисленность глаголов с этими аффиксами в чувашском языке.

Л. П. Сергеев утверждает, что указанные аффиксы вначале были словообразовательными, впоследствии их функции изменились, и они стали выражать объектно-субъектные отношения, но эта функция развита слабо.

Вопросам аффиксального глаголообразования посвящены также статьи А. П. Орловой [52, 53, 54, 55, 56]. В статье "Образование глаголов с помощью аффикса *-ла(-ле)*" исследователь дает характеристику производящим основам, а также производным глаголам с указанным аффиксом. Развивая идеи Э. В. Севортыяна, автор статьи отмечает, что при помощи аффикса *-ла(-ле)* глаголы в чувашском языке образуются строго от определенного круга основ. Главным образом от слов, обозначающих орудие или средство действия, результат или признак результата действия, предмет действия, форму, способ и вид действия, название действия, место, направление, время действия и действующее лицо [54, 124].

Группируя производящие основы по семантическому признаку, исследователь сталкивается с определенными трудностями, связанными с тем, что многие из производящих основ

по отношению к действию, выражаемому глаголом, многофункциональны. Например, в слове *йёлтёр* в значении "делать лыжи" основа *йёлтёр* "лыжи" означает объект, а в значении "оставлять лыжный след" – орудие. Подчеркивается, что эти значения реализуются только в определенном контексте.

В другой статье [52] А. П. Орлова анализирует глаголы с аффиксом *-лан(-лен)*, который отмечается ею как наиболее производительный и продуктивный. В отличие от исследователей, считающих самым продуктивным аффикс *-ла(-ле)*, она отмечает, что количество глаголов, образованных при помощи *-лан(-лен)*, почти в 1,5 раза превышает количество глаголов на *-ла(-ле)*.

Обзор литературы по аффиксальному глаголообразованию в чувашском языке приводит к следующим выводам.

В имеющихся работах по глаголообразованию содержится в основном не качественная, а количественная характеристика словообразовательных средств. Из формально-структурных параметров нашли определенное освещение продуктивность аффиксов и в какой-то степени – их валентность.

Из семантических параметров некоторое освещение нашла многозначность формантов, значение производных глаголов и производящих их основ. Не исследованы синонимические, омонимические, антонимические отношения в системе производных глаголов, не отражена семантическая соотносительность производных и производящих основ.

Мало исследований, в которых система аффиксального глаголообразования описывается с ономаσιологических позиций, предопределяющих анализ от значения к форме. Еще не

выработана единая методика анализа словообразования, не разграничены синхрония и диахрония, еще не затронута тема статики и динамики в словообразовании.

Не сделана попытка разграничения и выявления специфики транспозиционного и нетранспозиционного словообразования в системе производных глаголов.

Еще не поставлен ряд сложных проблем, таких как функционально-семантическая характеристика глаголообразующих аффиксов, выявление морфонологических альтернатив, сопутствующих глаголопроизводству, асимметрия словообразовательных значений и словообразовательных формантов и т. д. Изучение этих и многих других вопросов несомненно способствовало бы уяснению специфики деривационных тенденций, закономерностей и позволило бы сделать важные обобщения.

Определенные успехи в описании чувашского глаголообразования имеются. Выявлен словообразовательный инвентарь, установлена продуктивность-непродуктивность аффиксов. Но надо отметить, что многие исследования носят формально-структурный, чисто описательный характер.

На современном этапе развития общей дериватологии и чувашского словообразования требуются качественно новые исследования глагольной деривации.

Принципы описания словообразования

Установление деривационных отношений между словами и характером словообразовательной структуры, продуктивности средств словопроизводства, выявление всего диапазона словообразовательных моделей и значений составляет основ-

ную задачу дериватологии. Уже привычным становится считать дериватологию двуаспектной – ретроспективной и перспективной. Ретроспективная дериватология изучает словопроизводственную структуру слов (как созданы готовые слова), а перспективная дериватология – собственно словообразовательный процесс (как создаются слова). Первая – статична, вторая – динамична.

В ретроспективной, т.е. тардиционной, дериватологии основным объектом исследования является результат словообразовательных процессов – производное слово, словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка с их структурными особенностями. В результате ретроспективного анализа словообразовательных процессов у исследователя складываются представления об образце, структурной схеме, по которой образовано то или иное слово. Следовательно, выявление словообразовательной модели также происходит в процессе ретроспективного анализа словопроизводства. В ретроспективных исследованиях не ставится вопрос о том, может ли выступать данная основа как производящая база и какие имеются у нее деривационные возможности. Между тем именно этот аспект больше всего интересует в настоящее время исследователей словообразовательных систем разных языков. Анализ слов с точки зрения их словообразовательной валентности способствует включению в исследования всей лексики языка.

Дериватология представляет собой науку, допускающую множество подходов к изучаемому объекту. Обзор имеющейся литературы показывает, что на ранних этапах становления теории словообразования в качестве приоритетных выдвигают

лись разные подходы: морфологический, где процессы словопроизводства описывали исходя из элементов структуры слова – производящей основы и форманта, а минимальной единицей словообразования считалась морфема (на данном этапе словообразование рассматривалось как часть морфологии); структурно-семантический, где основными проблемами исследования считались структурное и семантическое соотношение производных и производящих, установление словообразовательной производности, мотивированности слова, выяснение природы словообразовательного значения; синтаксический, где семантику и структуру дериватов разных типов пытались объяснить процессуально на основе разных синтаксических конструкций; функционально-семантический, основными исследовательскими вопросами которого были проблемы, связанные с семантикой и функцией деривационных элементов слова и функционирование производных единиц в системе языка.

Имеется большой разнобой также в исследовательских методах и исходных теоретических положениях. Не все подходы дают возможность полностью раскрыть механизм словообразовательной системы. Описания словопроизводства в русле традиционной морфологии не адекватны изучаемому материалу по следующим причинам: 1) образование производных структур описывается как простое соединение производящих основ и формантов; 2) не учитывается в полной мере семантическая соотносительность производных и производящих; 3) не раскрываются функционально-семантические свойства словообразовательных формантов; 4) чаще всего выделяется только

один аффикс и на этой основе слово признается производным, исходя из аффикса определяется словообразовательная модель; 5) не подвергаются анализу такие единицы словообразования, как словообразовательная парадигма, словообразовательный ряд, словообразовательное гнездо и т.д.

Для того, чтобы показать, как именно действует механизм словообразования на том или ином участке деривации, недостаточен анализ только структуры производного и моделей. Необходим анализ на более высоком уровне. Для этого в настоящее время на смену чисто формальных, структурных методов исследования приходят методы семантического и функционального анализа языковых единиц.

Являясь строевым элементом для единиц более высшего уровня, т.е. производного слова, производящие основы и аффиксы обеспечивают его структурную расчлененность, т.е. производные слова являются сферой их функционирования. Таким образом, производные структуры – это сфера осуществления производящими основами и формантами своих функций (комбинаторных, семантических и т.д.). Функции и структура в языковой действительности соотносятся следующим образом. Основополагающим, определяющим является функция, а определяемым – структура. К сожалению, в существующих исследованиях словообразовательных систем тюркских языков на функциональную сторону деривационных аффиксов обращается мало внимания.

Словообразование может быть описано по трем схемам: 1) "от производного слова"; 2) "от производящей основы"; 3) "от форманта". Но все эти исследования по отдельности создадут

одностороннее представление о словообразовании. В исследованиях по первой схеме в стороне остается вопрос о том, может ли выступать то или иное слово как производящая основа и почему; какие у него имеются деривационные возможности. В описаниях по второй схеме не найдут достаточного освещения функции словообразовательных формантов. Работы, выполненные по третьей схеме, не раскрывают роль производящих основ.

Язык как системно-структурное целое требует к себе системного подхода. Словообразование, таким образом, должно исследоваться по всем названным схемам, т.е. в разных сечениях. Исследование аффиксального словообразования должно быть построено так, чтобы читатель мог получить исчерпывающее представление о структурно-семантических особенностях производящих основ, об инвентаре словообразовательных формантов (с учетом их комбинаторных, семантических и других функций) и о результатах словообразовательных процессов – производных основах. Объектом исследования должны быть главным образом слова с прозрачной деривационной структурой, т.е. производные, не претерпевшие лексикализации. Но нельзя полностью исключить из исследований и опрошенные основы, в которых сохранились следы прошлых языковых эпох. Выявить то, что имеется в языке, необходимо всегда с учетом того, что было.

Системный подход подразумевает раскрытие всех сторон словообразовательных элементов – структуру, семантику, закономерность их присоединения и т.д. Однако системность языка достигается не только отношениями внутри отдельных

уровней (по горизонтали), но и, что не менее, а может и более значимо, взаимодействием уровней (по вертикали). В дериватологических исследованиях, безусловно, должно отразиться взаимодействие словообразования с лексикой и морфологией.

Производное слово характеризуется сложностью, в частности, и поэтому, что соединяет словообразование с лексикой и грамматикой. Синонимия, омонимия, антонимия, традиционно относимые к исконно лексическим явлениям, обнаруживают себя в деривационных структурах. Они должны рассматриваться в связи с общей тенденцией развития словообразовательных отношений, с развитием комплексных единиц словообразования – словообразовательных парадигм, гнезд и т.д.

Связь словообразования с грамматикой проявляется не только в его взаимодействии с морфологией (словообразовательные связи между частями речи, грамматические свойства производных и т.д.), но и в его отношениях с синтаксисом. Известно, что в основе многих сложных слов и сложноаффиксальных образований лежат синтаксические конструкции, т.е. словосочетания.

Исследование взаимосвязей словообразования с другими языковыми подсистемами позволит установить более точное место этой подсистемы в системе языков, ее роль в функционировании систем. Споры о статусе словообразования вызваны именно с неизученностью его связи и взаимодействия с другими подсистемами языка.

Итак, словообразовательные процессы должны изучаться с учетом структурных и семантических особенностей данного языка. В исследованиях по тюркской деривации система сло-

вообразования представляется как отношения производящих основ и формантов. При этом раскрываются не все функции аффиксов. В частности, не описываются транспонирующая, классифицирующая и грамматическая (в смысле указания частеречной принадлежности слова) функции формантов. Между тем, выполняя транспонирующую функцию, аффиксы, во-первых, поддерживают частеречные деривационные связи, во-вторых, вовлекают в гнезда слова разных лексико-грамматических категорий. Поэтому освещение транспонирующей функции словообразовательных формантов является отнюдь немаловажной задачей дериватолога. Это важно и потому, что иногда транспозиция составляет единственное содержание форманта. Разумеется, транспонируя основы в другой лексико-грамматический класс слов, многие аффиксы участвуют и в смысловом преобразовании слова. Транспонирующая функция таких формантов не является их единственной функцией.

Классифицирующая функция аффиксов связана не с частеречным делением словарного состава языка, а с образованием определенных лексико-семантических разрядов слов. Исследование данной функции аффиксов необходимо и для описания словообразовательной семантики, и для освещения вопросов полисемии и омонимии производных, а также словообразовательной синонимии, антонимии.

Достаточно остро стоит и проблема стандартности – нестандартности значения тюркских аффиксов, их полисемии и омонимии. Без выработки критериев разграничения полисемии и омонимии на уровне морфем различать многозначные

деривационные форманты от разных, но однозвучных формантов чрезвычайно трудно. Но без этого нельзя адекватно описать систему аффиксального словообразования.

Из-за несистемности исследований в тюркской дериватологии, к сожалению, мало уделяется внимания семантической структуре производящих основ. До сих пор нет работ, посвященных проблеме словообразовательной комбинаторики с точки зрения семантического соотношения производящей основы и форманта. Не раскрывается известная лингвистам избирательность производящих основ по отношению к аффиксам.

Из-за недостаточной охарактеризованности производящих основ в тюркологии отсутствуют исследования, описывающие семантическую соотносительность производящего и производного. Между тем именно исходя из семантических соотношений устанавливается производность между парой однокоренных слов.

Словообразование может быть описано по семантическому принципу. Образцы описаний тюркской деривации по принципу "от значения к форме" содержатся в монографии В. А. Исенгалиевой [32]. Ф. А. Ганиев, хотя в своих исследованиях придерживается обоих принципов – "от формы к значению" и "от значения к форме" [19], тем не менее признает, что "исследование языка с точки зрения семантики необходимо прежде всего для раскрытия глубинных явлений его грамматического строя и словообразования. Семантическое описание грамматики представляет трудную задачу, ибо до сего времени еще не все грамматические и словообразовательные значения

изучены, исходя из единых научных принципов формативной грамматики и формативного словообразования" [19, 31].

Как бы привлекательными ни были семантические аспекты исследования языка, в поле зрения лингвистов неизменно и всегда будет находиться языковая форма, так как именно она прежде всего отражает различия, содержащиеся в лингвистических единицах. Формальные изменения призваны, кроме того, облегчить воссоединение основ с аффиксами. Поэтому морфонологические явления, сопутствующие словообразовательным процессам, безусловно должны быть отражены в исследованиях словообразования конкретных языков. Необходимо выявить морфонологические правила, релевантные для описания словообразовательной системы, иначе говоря, установить морфонологические модели синтеза словообразовательных элементов. Хотя в маркировании того или иного участка деривации в чувашском языке морфонологические явления не имеют такого удельного веса, как, например, в русском и других индоевропейских языках, тем не менее деривационная морфонология должна занять достойное место в исследованиях по словообразованию.

Основные понятия словообразования

В дериватологии к основным относятся понятия словообразовательного процесса, словообразовательной системы (подсистемы языка), словообразовательной модели, словообразовательного значения, производности слова, мотивированности слова, семантической соотносительности производящих и производных основ.

Словообразовательный процесс. Словарный состав языка постоянно изменяется, обновляется. Изменения, происходящие в реальной жизни, отражаются в лексике и, естественно, в словообразовательной системе языка. Новые понятия требуют новых слов. Словообразовательные процессы, в которых создаются новые наименования, способствуют увеличению лексического фонда языка.

Образование новых слов происходит по аналогии, а это значит, что производные любого способа словообразования создаются по сложившимся в языке образцам – моделям. Словообразовательный процесс – это полностью подчиняющаяся правилам языковая деятельность. Словообразовательные процессы и модели взаимообусловлены. Процессы происходят по определенным моделям, а их результаты дают понять, каким моделям носители языка отдают предпочтение при создании вторичных конструкций.

Словообразовательные процессы протекают при взаимодействии лексических, морфологических, синтагматических, парадигматических, прагматических планов и зависят от языкотворческой способности человека. В словообразовательных процессах реализуется потребность носителей языка в новых номинациях. Динамическая природа языка находит свое отражение в деривационных процессах, которые представляют собой действие словопроизводственного механизма языка для создания новых лексических единиц. Порождение нового слова – основная функция словообразовательных процессов.

Словообразовательная система (подсистема) языка. Под словообразовательной системой иногда понимается совокуп-

ность словообразовательных моделей – продуктивных и непродуктивных, а иногда – совокупность всех словообразовательных моделей и гнезд. По мнению некоторых исследователей, словообразовательную систему языка составляют лишь идеальные словообразовательные формы и продуктивные модели.

Однако необходимо иметь в виду следующее. Словообразовательная система языка формируется совокупностью всех деривационных единиц (производящих и производных основ, формантов, словообразовательных цепочек, парадигм, гнезд, рядов, пар), а также совокупностью правил, образцов и приемов словопорождения (словообразовательных способов, моделей – продуктивных и непродуктивных).

Производность слова. Непроизводными являются слова, не содержащие в себе словообразовательные элементы и, соответственно, ни от каких других слов не образованные. Они не разложимы на непосредственно составляющие части и обладают простой структурой (*кил* "приходить", *ил* "брать"). Непроизводные (простые, корневые) слова являются чисто условными названиями предметов, явлений действительности. Основными признаками производных слов являются – в формальном плане – их нечленимость, в семантическом плане – немотивированность.

Производными называются слова, образованные от других слов и содержащие в своем составе деривационный формант (или другой функционально сходный элемент). Производные основы словообразовательно членимы и находятся в смысловых связях с производящими их словами, называя реалии дей-

ствительности через посредство их семантики. Основными признаками производных слов являются в плане формальном их членимость на непосредственно составляющие, а в плане семантическом – мотивированность другими словами. Ср.: *имшер-лет* "подрывать здоровье" от *имшер* "нездоровый", *кутамас-лан* "становиться низкорослым" от *кутамас* "низкорослый", *суха-ла* "пахать" от *суха* "соха", *суран-лан* "пораниться" от *суран* "рана, ранение".

В чувашском языке, как и во многих других языках мира, производные основы значительно превосходят количественно непродводных основ, о чем свидетельствуют подсчеты корневых и вторичных лексических единиц, извлеченных из имеющихся одноязычных, двуязычных и терминологических словарей.

Мотивированность слова. Отношения производности охватывают и область материальной структуры слова, и область значения, тогда как отношения мотивированности связаны лишь с областью значения. Мотивированность – это семантическая (смысловая) производность. Производная основа в то же время является основой мотивирующей. Однако как мотивирующая база она будет восприниматься лишь до тех пор, пока производное не претерпевает процесс опрощения, в результате чего появляются словообразовательно нечленимые (в синхронном плане) и немотивированные слова типа *ултала* «обманывать» (*улта* – ?), *хййма* «сметана» (*хйй* – ?), *пйлхан* «волноваться» (*пйл* – ?), *пйтра* «размешивать» (*пйтра* – ?)..

В отношениях словообразовательной мотивации находятся слова, обладающие следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов или

полностью входит в значение другого или тождественно лексическому значению другого. Ср.: *кәйшак* "брусок" – *кәйшакла* "точить", *пәр* "лед" – *пәрлан* "леденеть"; 2) чув. *иккәленј* "сомнение, сомнительность" – *иккәленјләх* "сомнение, сомнительность".

Таким образом, мотивация – это предопределенность семантики производного семантикой производящей основы (главным образом) и форманта. Если производность проявляется в двух планах – формальном (в словообразовательной структуре) и семантическом, то мотивация – только в одном, семантическом плане.

В дериватологии различают исходную и неисходную мотивацию. Исходной называют мотивацию корневым, немотивированным словом, а неисходной – мотивацию производным, мотивированным словом. Ср., производные с исходной мотивацией: *сәнчәр-ла* "приковать к цепи" – *сәнчәр* "цепь", *сәранлан* «залосниться» – *сәран* «кожа», *сәр-ла* "красить" – *сәрә* "краска"; производные с неисходной мотивацией: *авәк-лан* "изгибаться, становиться кривым" – *ав-әк* "изогнутый"; *јсәм-лет* "делать успешным, эффективным" – *јс-ём* "рост; успех", *танлаштар* «сравнивать» – *танлаш* «равняться».

На словообразовательной мотивированности основывается объединение слов в словообразовательные пары. Ср.: *јт* "тело, плоть" – *јтлен* "быть зачатым; полнеть", *ансат* "легкий" – *ансатлан* "становиться более легким", *ула* "пестрый" – *ула-лат* "пестрить, делать пестрым". В словообразовательных парах левый член является мотивирующей основой, правый – мотивированной.

Семантическая соотносительность производных и производящих основ. Отношения мотивации предполагают строгую соотнесенность семантики производного с конкретным значением производящего. Смысловые связи производных и производящих основ характеризуются многообразием. Не всегда легко определить, на базе какого конкретного значения производящей основы возникло то или иное производное слово. Но об одном можно твердо сказать, в обеспечении семантической преемственности, соотносительности словообразовательно связанных слов большую роль играет мотивирующая основа.

Основные единицы словообразования

Словообразовательная система – это иерархическая организация различных деривационных единиц. Под деривационной единицей надо понимать языковый знак, относящийся к словообразованию как самостоятельной области языковой структуры. Главной и основной целью всех деривационных исследований в определенной мере должно быть установление иерархии словообразовательных единиц, их структурных, семантических и функциональных особенностей. Несомненно существуют единицы более высокого «ранга» (степени обобщения) и единицы более простые. К более простым единицам относятся деривационный формант ч производящая основа, к комплексным – словообразовательная пара, словообразовательный ряд, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо.

Особое, центральное место среди этих единиц занимает производная основа – основная единица словообразования,

которая, с одной стороны, не входит в комплексные единицы, с другой – сама делится на непосредственно составляющие и поэтому не может считаться простой неразложимой единицей. Производное слово, таким образом, нельзя относить ни к простым (минимальным), ни к комплексным единицам словообразования. Как уже было указано, как основная единица деривационной системы оно занимает особое место.

Рассмотрим вкратце названные выше единицы.

Производное слово. Одним из важнейших условий существования и функционирования языка является соответствие его грамматических и лексических систем потребностям коммуникации. Так как потребности эти постоянно изменяются, язык должен перестраиваться согласно требованиям реальной жизни. В соответствии с реальными нуждами должен находиться прежде всего словарный (лексический) фонд. Функция поддержания лексического инвентаря в соответствии с требуемым реальностью уровнем, которую выполняет словообразование, принципиально эволюционна. Она направлена на изменение языка.

Словообразование, являясь воплощением определенного языкового состояния, принадлежит динамической синхронии. Словообразовательные процессы, призванные в конечном счете для изменения лексикона, пополняя его золотой запас новыми номинациями, больше чем какие-либо лингвистические процессы отражают изменение языка, его гибкость.

В семантической структуре производного слова наиболее ярко отражается относительно самостоятельный статус словообразования. Производное слово – мотивированная единица

языка и отражает реальную действительность не прямо, а через значение других единиц языковой системы. В этом отношении производное слово соотносится с реалиями внеязыковыми и языковыми.

Словообразовательная пара. Два слова, находящиеся в отношениях непосредственной мотивированности (производности), образуют словообразовательную пару: *йёвен* "уздечка" – *йёвенле* "взнуздывать", *йёп* "игла" – *йёплен* "становиться колючим", *лутра* "низкий" – *лутралат* "делать низким".

В синхронном плане каждое производное слово имеет свое производящее. На этом основано выделение словообразовательных пар. Производящий член словообразовательной пары может быть как корневой, так и некорневой (производной) единицей. Ср.: *пылак* (*пыл-ак*) "сладость" – *пылакля* "делать сладким", *ёмёр* "век" – *ёмёрле* "вековать", *сиенсёр* (*сиен-сёр*) "безвредный" – *сиенсёрлен* "обезвреживаться".

Одно и то же слово может быть производящим членом нескольких словообразовательных пар. Чем выше деривационная потенция слова, тем больше словообразовательных пар может быть сформировано на его основе. Ср., *парне* "подарок" – *парнеле* "дарить", *парне* "подарок" – *парнелёх* "подарочный" (2 пары); *ниш* "бессилие, немощь" – *нишлен* "обессилеть, ослабеть", *ниш* – *нишчё* "бессильный", *ниш* – *нишлёх* "бессилие, немощь" (3 пары); *пър* "лед" – *пърлан* "покрываться льдом", *пър* – *пърлак* "гололедица", *пър* – *пърля* "ледяной", *пър* – *пърлях* «ледник» (4 пары) и т.д.

Члены словообразовательной пары находятся в двусторонней связи – формальной и семантической. Семантическая вы-

водимость производного из значения производящего является основным критерием объединения их в словообразовательную пару.

Итак, словообразовательная пара представляет собой простейшую комплексную единицу и основана на отношениях деривационной производности слов. Иначе говоря, словообразовательная пара имеется только тогда, когда одно слово включается в толкование значения другого слова. В синхронном плане о конкретном словообразовательном процессе и о результатах этого процесса можно говорить лишь при наличии соответствующей словообразовательной пары.

Словообразовательный ряд. Термин "словообразовательный ряд" имеет примерно двадцатилетнюю историю и обозначает совокупность слов, образованных посредством определенного аффикса. В деривационном ряду слова могут иметь разные словообразовательные значения. Например, в чувашском языке ряд с аффиксом *-ла(-ле)* содержит слова со следующими значениями: 1) действовать при помощи орудий, предметов (ср. *йётёрле* "раскатывать, катать скалкой"); 2) перемешать, пропитать что-либо тем, что названо производящей основой (*хйймала* "сдабривать сметаной"); 3) превратить что-либо в предмет, названный производящей основой (*ула́мла* "превращать в солому") и т.д.

Словообразовательная цепочка. Это такая комплексная единица деривации, в которой однокорневые слова находятся в отношениях последовательной мотивации: *в́атан* "стесняться" – *в́атанӑс* "стеснение" – *в́атанӑслӑ* "застенчивый", *в́атан* – *в́атану* "стеснение" – *в́атанула́х* "застенчивость", *в́атан* –

вйтанчйк – "застенчивость, застенчивый" – *вйтанчйклйх* "застенчивость". В словообразовательной цепи слова упорядочены так, что каждое предыдущее (кроме замыкающего) является производящим для последующего. Являясь основной синтагматической единицей, словообразовательная цепь играет большую роль в структурировании гнезда, которое характеризуется весьма непростыми формальными и семантическими отношениями слов.

Зависимость производных слов в цепи от предыдущих членов двусторонняя – формальная и семантическая. Но непосредственно связаны лишь смежные звенья. Количество опосредованных мотиваций в полных цепях можно выявить следующей формулой: каждые два производных дают одну опосредованную мотивацию. В цепи *хум* "волна" – *хумхан* "волноваться" – *хумхану* "волнение" – *хумхануллй* "волнующий" в опосредованных мотивационных отношениях находятся слова *хум* и *хумхану*, *хумхан* и *хумхануллй*.

Словообразовательная парадигма. Термин "словообразовательная парадигма", сравнительно недавно появившийся в отечественной и зарубежной дериватологии, в настоящее время получил широкое распространение. Хотя и встречаются отдельные возражения против использования словосочетания "словообразовательная парадигма" в качестве термина, большинство дериватологов, начиная примерно с 70-х годов, активно применяют этот термин в своих исследованиях [46, 48]. В лингвистике встречается несколько вариантов этого термина: словообразовательно-семантическая парадигма, словообразовательное склонение.

Словообразовательная парадигма – это все возможные модели производных от одной основы, т.е. это словообразовательное гнездо, ограниченное первой ступенью деривации.

Словообразовательное гнездо. Термин "словообразовательное гнездо" в недалеком лингвистическом прошлом имел и другие эквиваленты: "словарное гнездо", просто "гнездо" и т. д. В настоящее время в дериватологии стабильно и однозначно употребляется термин "словообразовательное гнездо" в значении совокупности слов, имеющих общий корень. Однако определение словообразовательного гнезда как простой совокупности однокоренных слов, как это часто допускается в исследованиях, "не отражает одно существенное свойство словообразовательного гнезда – упорядоченный характер этой совокупности слов. Дело в том, что любое гнездо имеет строгую определенную структуру, и каждый его элемент (слово) занимает в нем предусмотренное системой языка и закреплённое в норме место. В основе строения гнезд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим" [70, 36]. Поэтому определение словообразовательных гнезд просто как совокупность однокоренных слов не отражает полностью языковую действительность и требует существенных дополнений.

Имеется немало определений словообразовательного гнезда, в которых одна и та же суть формулируется по-разному. Вслед за А. Н. Тихоновым, под словообразовательным гнездом мы понимаем упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня, и подчеркиваем, что общность однокоренных слов проявляется

не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но и в плане содержания (корень выражает общий для всех родственных слов элемент значения), т. е. слова, объединяющиеся в словообразовательное гнездо, имеют и смысловую, и материальную общность.

Словообразовательные гнезда имеют подвижный, открытый характер и постоянно пополняются новыми словами, в результате чего изменяется их состав и формально-семантические отношения между членами гнезда. В гнездах наряду с узуальными образованиями могут находиться и неологизмы, а также слова, не получившие в данное время языкового статуса и встречающиеся только в определенном тексте (так называемые авторские неологизмы и окказионализмы).

Глава 2. ФОРМАЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

О сущности словообразовательной модели

Строевыми средствами словообразования являются производящие основы, деривационные форманты и модели производства вторичных структур. Словообразование – процесс моделированный (вне модели нет производного).

Словообразовательные модели, как и всякие другие, принадлежат языку. Как и любая языковая модель, модель деривационная объективируется в речи (одноразовый словообразовательный акт мы считаем моментом речи). Являясь одним из строевых средств языка, словообразовательные модели играют огромную роль в формальном и семантическом развитии коммуникативной системы.

Как теоретическая, так и прикладная, т.е. коммуникативно-ориентированная дериватология, должны изучать языковую деятельность и с помощью понятия модели. Теоретические исследования выявляют сущность деривационной модели, прикладная же лингвистика, раскрывая весь диапазон словообразовательных моделей конкретного языка, определяя их продуктивность-непродуктивность, способствует структурному овладению языком. Исследование словообразовательных моделей важно еще потому, что оно способствует пониманию сущности моделей языкового синтеза, которые охватывают и структуру языка, и ее реализацию.

Без изучения деривационных моделей, как продуктивных, так и непродуктивных, невозможно определить словообразо-

вательные возможности языка. Поэтому каталогизация моделей при одновременном установлении их относительной продуктивности имеет исключительно важное значение для описания словообразовательной системы. К тому же, как подчеркивают некоторые ученые, словообразовательные модели вместе со словообразовательными гнездами составляют систему словообразования в любом языке. Существование моделей (не только словообразовательных, но и любых) является языковой необходимостью.

Само отражение реальной действительности в языке требует типизации. В словообразовании сущность типизации заключается в возникновении и функционировании образцов, схем образования производных структур. Язык как динамичная, развивающаяся система порождает новые структуры, модели. Язык как стабильная система, исходя из необходимости общения, понимания, стремится как можно дольше сохранить имеющиеся модели. Так, продуктивная в современном чувашском языке модель "сущ. + -ла(-ле) = гл." обладала продуктивностью еще в древнетюркском языке. Хотя некоторые аффиксы и модели становятся непродуктивными и даже мертвыми, но из-за действия закона инерции в течение длительного времени сохраняются в языке многие словообразовательные модели. Пока имеются и функционируют модели словопроизводства, существуют и возможности к бесконечному развитию и обогащению лексической системы языка. Можно сказать, что потенция словообразовательных моделей полностью не реализуется никогда.

Реализация деривационной модели предполагает возникновение новой лексической единицы. Для определения модели, по которой создана та или иная основа, необходим специальный анализ, целью которого является, во-первых, доказательство производности слова, во-вторых – идентификация данной вторичной основы с аналогичными образованиями. Исследователь не может непосредственно наблюдать за ходом словообразовательного процесса. Представления о модели складываются в результате исследования деривационной структуры слова, т.е. модель изучают по следам деривационного процесса.

В отечественном языкознании параллельно с описанием конкретных моделей различных языков шло их теоретическое осмысление. Рассматривались такие проблемы, как соотношение понятий "словообразовательный тип" и «словообразовательная модель», структурные компоненты моделей, продуктивность-непродуктивность моделей и факторы, влияющие на это и т. д. Вместе с тем до сих пор не предпринималась попытка монографического исследования теоретических проблем словообразовательной модели (исключением является монография И. С. Торопцева, где словообразовательную модель автор понимает весьма своеобразно) [71].

В лингвистике широко распространены понятия "словообразовательный тип" и "словообразовательная модель". Многие исследователи пользуются ими как синонимичными терминами. И. С. Улуханов, например, считает, что термин "модель" целесообразно применять к словообразовательному типу, служащему образцом для возникновения новых слов [72, 12]. "Едини-

цей словообразовательной системы, — пишет В. Н. Хохлачева, — называем словообразовательную модель, или словообразовательный тип... " [77, 8].

Формальное разграничение словообразовательных типов и моделей дано в работе Е. А. Земской: "Термин "модель" целесообразно использовать для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа могут производиться с разными морфонологическими особенностями... Таким образом, в одном словообразовательном типе могут объединяться слова, произведенные по разным моделям" [30, 192-193].

Словообразовательную модель разные ученые понимают по-разному. Направления, наметившиеся в изучении проблемы словообразовательной модели, изложены в статье М. С. Малеевой [45]. В основном, соглашаясь с выводами, к которым приходит автор статьи, остановимся на некоторых моментах описания моделей.

Неправомерно, на наш взгляд, отождествлять словообразовательную модель с совокупностью мотивированных слов, образованных посредством семантически и формально тождественных формантов от одной и той же части речи (такая трактовка содержится в статье И. С. Улуханова) [73]. Словообразовательная модель — это не конкретная языковая единица и не совокупность этих единиц, а абстрактная структурная схема, существующая в сознании носителей данного языка. Как класс слов определяет словообразовательный тип и И. П. Распопов [59, 49]. Совершенно справедливо возражая против понимания словообразовательной модели как класса слов, И. С. Торощев

пишет: "... словообразовательную модель нельзя свести к группе слов. Единицы языка (слова) и единицы словообразования (словопроизводственная модель), не входящие в язык, – разнокачественные явления" [71, 26].

Г. В. Федунева понимает под моделью формальный аналог производного слова, учитывающий категориальную характеристику производного слова, словообразовательный формант и отражающий все ступени производности данной лексемы [75, 17]. В таком толковании понятие модели совпадает с понятием деривационной истории слова.

Неоднозначное понимание лингвистами природы словообразовательной модели проявляется и в том, как они представляют ее структуру. Здесь отчетливо выделяются две концепции. Есть теория двухкомпонентной (производящая основа и аффикс) модели и есть теория поликомпонентной (производящая основа, формант, производная основа) модели. В тюркологии в основном принята теория двухкомпонентной модели.

Обзор литературы показывает, что словообразовательная модель не всегда определяется через ее структурные компоненты. У некоторых языковедов в определении модели отсутствует понятие форманта. Нет его в определении, предложенном И. С. Улухановым и В. В. Лопатиным. "Словообразовательный тип, – пишут они, – это всегда ряд слов (минимум два слова), обладающих общими чертами, среди которых – единство словообразовательного значения" [42, 7]. В этом определении основным и достаточным признаком словообразовательного типа является общность словообразовательного значения. Ближе к этому стоит определение словообразователь-

ного типа "модели", сформулированное Б. Н. Головиным: "ряды производных слов, объединенных одним и тем же словообразовательным значением и одинаковыми, повторяющимися словообразовательными показателями, называются словообразовательными типами" [21, 129].

И. И. Ковалик определяет словообразовательную модель как обобщенное понятие, включающее такие основные элементы: 1) словообразовательно-семантическое единство, 2) единство лексико-грамматического характера словообразовательной основы, 3) единство суффиксальной части производных слов [36, 118]. В этом определении модель представляется, как видим, трехкомпонентной, но одним из компонентов считается не структурная единица, а словообразовательная семантика. Оперировать понятием семантического плана при описании формальных схем языка, т. е. моделей, вряд ли целесообразно.

Во всех приведенных нами определениях словообразовательной модели присутствуют в основном три признака: единство части речи производящей основы, единство форманта, общность словообразовательного значения. Но эти признаки, судя по всему, воспринимаются не как равноправные. Общность словообразовательной семантики упоминается во многих определениях модели, два других признака присутствуют не во всех дефинициях и, соответственно, осознаются менее существенными. Так, например, первый признак - частеречная общность мотивирующей основы - в дефинициях К. А. Левковской и В. И. Максимова отсутствует. Для них словообразовательная модель (тип) - это формально-семантическая схема

построения производных слов с одним и тем же формантом и словообразовательным значением, независимо от части речи производящего слова [41, 27; 44, 56].

То, что словообразовательная модель это не «семантическое соотношение между производными и производящими словами», как это доказывает Е. А. Земская, и не (семантическое отношение мотивируемого слова к мотивирующему) (см. Грамматику русского языка 1970г.), что почти то же самое, подтверждается многочисленными примерами чувашского и турецкого аффиксального словообразования. Слова, образованные по одной и той же модели могут иметь совершенно разные семантические признаки. То же самое наблюдается и в других тюркских языках. Например, в татарском языке, где по модели "суц. + -лаш (-леш) = гл." произведены слова со следующими значениями: 1) совершить действие, связанное с тем, что выражено мотивирующей основой: *судлаш* "судиться", *сатулаш* "торговаться", 2) совершать действие тем, что обозначено мотивирующей основой: *телләш* "спорить", *кусәкләш* "драться дубинками", 3) превращаться в тот предмет, который выражен мотивирующей основой: *кристаллаш* "кристаллизироваться", *минераллаш* "минерализироваться", 4) приобретать признаки и качества, свойственные лицу, выраженному мотивирующей основой: *бюрократлаш* "бюрократизироваться", *дуслаш* "подружиться", 5) объединяться в то, что выражено мотивирующей основой: *колхозлаш* "объединяться в колхозы", *әртилләш* "объединяться в артель" и т. д. [20, 35-39].

Таким образом, определить словообразовательную модель исходя из семантических соотношений производного и произ-

водящего применительно к чувашскому и турецкому языкам нецелесообразно. Вряд ли целесообразно это и применительно к русскому языку, где однотипные производные слова обладают различными словообразовательными значениями.

Во многих исследованиях по тюркскому словообразованию деривационная модель рассматривается как сочетание основы с формантом, что в результате приводит к отождествлению модели с аффиксом. Исходя из простого сложения мотивирующей основы с аффиксом, тюркологи не учитывают третий структурный компонент модели – производное слово, ради образования которого и существуют модели.

В тюркской дериватологии нет ясности и в установлении семантики моделей. Языковая практика показывает, что в тюркских языках словообразовательные модели характеризуются смешанной семантикой. Некоторые из них еще не полностью реализовали свои семантические потенции. Еще не все значения тюркских деривационных моделей выявлены и описаны.

Необходимо признать, что тюркская словообразовательная модель трехкомпонентна. Для описания тюркских языков адекватным, на наш взгляд, является следующее определение словообразовательной модели. Словообразовательная модель – это эксплицитно существующая в языке структурная схема образования производных слов, характеризующаяся общностью трех признаков: 1) частеречной принадлежности производящей основы, 2) форманта, 3) частеречной характеристики производного слова.

Функционирование деривационной модели происходит в соответствии с правилами структурно-семантического развития языка. Поэтому необходимо раскрыть все структурные семантические возможности и ограничения, влияющие на функционирование моделей. Значение факторов, ограничивающих диапазон действия словообразовательных моделей, способствует прогнозированию развития словообразовательной системы языка. К таким внутриязыковым факторам относятся: фонологическая и семантическая природа производящих основ и форманта, наличие или отсутствие конкурирующих моделей. Внутриязыковые факторы определяют системную продуктивность модели, которая зависит от ограничений, налагаемых системой языка и регулирующих создание слов по данному образцу.

Внеязыковым фактором, влияющим на функционирование модели, является жизненная потребность или же отсутствие такой потребности в словах, образованных по тому или иному образцу, т.е. модели. Имеются также другие социолингвистические факторы, от которых зависит развитие словообразовательных моделей, их функционирование. Наглядным примером тому служит следующее. В ряде языков, например, в узбекском, английском, русском, испанском, португальском число продуктивных моделей относительно велико, во французском языке их намного меньше. Одной из причин является борьба французской академии за чистоту языка против «ненужных новообразований». К социолингвистическим факторам, влияющим на увеличение или уменьшение продуктивных

или непродуктивных моделей относятся и такие, как многоязычие, языковая изоляция, расширение функций языка.

В дериватологии понятие продуктивности распространяется на способы и модели словообразования. Его можно применять также к любой части деривационной структуры слова. Н. К. Антонов считает, что критерием понятия продуктивности именных аффиксов в якутском языке служит: 1) наличие в языке самостоятельной смысловой нагрузки, следовательно, способность придавать значению основ, к которым они представляются, одно определенное значение; 2) производительная способность аффикса в количественном отношении [11]. Б. О. Орузбаева основным в аффиксах полагает не только способность к образованию новых слов, но и результат этой способности – количество новообразований, произведенных ими. По ее мнению, способность любой морфемы обуславливается прежде всего необходимостью образования новой лексической единицы для выражения нового понятия. Без такой надобности любой продуктивный аффикс перестал бы функционировать как продуктивное словообразовательное средство, несмотря на то, что он встречается в составе многочисленных лексических единиц [57].

В чувашском языке одни и те же аффиксы могут являться структурными элементами разных моделей. Ср.: *-лӑх(-лӗх)* в структуре отсубстантивных (*илем-лӑх* "красота", *ача-лӑх* "детство"), отадъективных (*ват-лӑх* "старость", *ӗлкен-лӑх* "изящество"), отглагольных (*курайманлӑх* "ненависть", *пуласлӑх* "будущее"), отнумеральных (*пӗр-лӑх* "единство") имен; то же самое происходит и с аффиксом *-кӑч(-кӗч)*: *мӑйкӑч* "ошейник"

(от существительного *май* "шея"), *хыр-кӑч* "скребок" (от глагола *хыр* "скрести"); *-лан(-лен)* в составе отглагольных (*хуҫ-лан* "сгибаться"), отадъективных (*симёс-лен* "зеленеть"), отсубстантивных (*терт-лен* "мучиться"), отнумеральных (*иккё-лен* "сомневаться") глаголов и т. д. Поэтому в целях уточнения терминологии продуктивность необходимо соотносить с моделью или способом словообразования. Применительно к словообразовательным элементам можно пользоваться понятием словообразовательной активности-неактивности.

Модели глаголообразования в чувашском языке

Сущ. + *-ла(-ле)* = гл.: *йёркеле* "упорядочивать, приводить в порядок", *йёкевле* "точить, подтачивать", *кёсменле* "грести", *кутамккала* «носить на спине», *тӑнла* «слушать, слушать внимательно», *тимёрле* «обивать железом».

Сущ. + *-лан(-лен)* = гл.: *ӧслан* "умнеть, становиться умным", *ёмётлен* "мечтать", *сумӧрлан* "покрываться облаками", *картлан* «морщиться, покрываться морщинами», *кашалан* «подниматься столбом (о дыме), *кӧмсӧклан* «покрываться плесенью», *кӧпӧклан* «пениться», *кӧлмӧслен* «попрошайничать», *кӧпселен* «расти в стебель, стебелеваться», *лупашкалан* «покрываться ямами», *парӧмлан* «задолжать».

Сущ. + *-лат(-лет)* = гл.: *сахӧрлат* "сахарить", *тӧванлат* "роднить, делать родственником", *туллат* "покрывать материей", *хутлат* «складывать, сгибать».

Сущ. + *-лаш(-леш)* = гл.: *тавлаш* "спорить", *туйлаш* "торговать, шуметь как на свадьбе", *туслаш* "подружиться".

Сущ. + -ар(-ер,-р) = гл.: *пасар* "покрываться инеем", *какар* "присоединять", *пусар* "начинать, проявлять инициативу, зачинать".

Сущ. + -ах(-ёх, -х) = гл.: *куса́х* "подвергаться сглазу", *юна́х* "покрываться кровопотеками", *вёча́х* "злиться, раздражаться".

Сущ. + -ал(-ел, -л) = гл.: *тёмел* "превращаться в бугор, холм, курган", *сурал* "рождаться", *тёмескел* "бугриться".

Сущ. + -ат(-ет, -т) = гл.: *кёсёт* "зудеть, чесаться».

Сущ. + -та(-те) = гл.: *чама́рта* "сжимать, стискивать, сдавливать", *лапа́рта* "грязнить, марать, пачкать" (лапа́р "жижа, грязь").

Сущ. + -ан(-ен, -н) = гл.: *тутан* "пробовать, снимать пробу".

Сущ. + -аҕ(-еҕ, -ҕ) = гл.: *вырнаҕ* "располагаться, размещаться", *валес* "раздавать, распределять, делить".

Сущ. + -кар(-кер) = гл.: *а́нкар* "догадываться, соображать".

Сущ. + -а(-е) = гл.: *са́на* "наблюдать, примечать", *хе́не* "бить, избивать", *вёче* "злиться, раздражаться".

Сущ. + -ша́н(-ше́н) = гл.: *шикише́н* "сомневаться".

Сущ. + -а́рха(-ё́рхе) = гл.: *аса́рха* "замечать, подмечать".

Сущ. + -ча(-че) = гл.: *те́пче* "исследовать, изучать".

Сущ. + -а́л(-ё́л, -л) = гл.: *нимёре́л* "превращаться в жижу", *ха́тәл* "спасаться, избавляться; уберечься".

Сущ. + -а́н(-ё́н, -н) = гл.: *пуса́н* "начинать, приниматься за что-либо", *аса́н* "вспоминать, поминать".

Сущ. + -а́р(-ё́р, -р) = гл.: *те́ше́р* "мять, топтать", *хуйха́р* "горевать, печалиться, скорбеть".

Прил. + -лан(-лен) = гл.: *айванлан* "глупеть", *вайса́рлан* "обессилеть", *йыва́рлан* "отяжелеть, стать тяжелым".

Прил. -лат(-лет) = гл.: *айшлат* "делать мелким", *вайрмлат* "удлинять", *самраклат* "делать молодым".

Прил. + -ла(-ле) = гл.: *аслала* "величать, славить", *тёттёмле* "темнить", *ирёксёрле* "принуждать, неволить", *кансёрле* "мешать".

Прил. + -ал (-ел, -л) = гл.: *вётел* "мельчать, становиться мелким", *йўнел* "дешеветь, обесцениваться", *кивел* "становиться ветхим", *макал* "становиться тупым".

Прил. + -ат(-ет, -т) = гл.: *айшат* "греть", *йёпет* "мочить", *кёскет* "укорачивать, убавлять", *кукарт* "искривлять".

Прил. + -ар(-ер, -р) = гл.: *кавакар* "синеть, становиться синим", *сывар* "близиться, приближаться", *хытар* "укреплять".

Прил. + -ах(-ёх, -х) = гл.: *высах* "проголодаться, изголодаться", *сарах* "желтеть, становиться желтым", *писах* "крепнуть".

Прил. + -ан(-ен, -н) = гл.: *йёпен* "мокнуть", *пушан* "пустеть, опоражниваться", *шаклан* "лысеть, плешиветь", *сивён* "охлаждаться".

Прил. + -шан(-шён) = гл.: *ютишан* "чуждаться, сторониться, избегать", *типишён* "сохнуть".

Прил. + -арка(-ёрке), -арха(-ёрхе) = гл.: *айшарха* "быть в жару, гореть".

Прил. + -ра(-ре) = гл.: *йёпѣ* (*йепре*) "мокнуть; гноиться" (*йёпе* "мокрый").

Прил. + -а́л(-ёл, -л) = гл.: *кукарал* "искривляться", *йусёрёл* "пьянеть", *чёрёл* "оживать".

Прил. + -а́н(-ён, -н) = гл.: *сусаран* "получать рану, травму", *сивён* "охлаждаться, остужаться, остывать".

Прил. + -лаш(-леш) = гл.: *танлаш* "равняться, становиться вровень", *кутӑнлаш* "упрямиться, капризничать".

Имитат. + -гат(-тет) = гл.: *ахӑлтат* "громко ржать; хохотать", *вӗтӗлтет* "мелькать", *вӗчӗлтет* "зудеть", *йӑпӑлтат* "лебезить, льстить".

Имитат. + -лат(-лет) = гл.: *вӑрӑнлат* "лететь со свистом", *йӑлтлат* "коротко, отрывисто вспыхивать", *лачлат* "шлепаться".

Имитат. + -ла(-ле) = гл.: *кӑлӑкла* "квохтать, клохтать (о наседке)", *кӗрле* "шуметь, гудеть, рокотать", *мӑйла* "скуливать, визжать".

Имитат. + -ка(-ке) = гл.: *лӑшке* "лить, идти (о дожде)", *лӑпка* "ласково похлопывать", *палка* "клокотать, бить ключом, бурлить".

Имитат. + -а (-е) = гл.: *лӑка* "трясти, шатать, качать", *лӗнче* разг. "ослабеть, обессилеть", *шанкӑра* "журчать".

Имитат. + -кӑр(-кӗр), -хӑр(-хӗр) = гл.: *чашкӑр* "шипеть", *вашкӑр* "дуть", *кӑшкӑр* "кричать", *чалкӑр* "разбежаться (о глазах)".

Имитат. + -кӑш(-кӗш) = гл.: *валькӑш* "развеваться, реять (о больших полотнищах)", *варкӑш* "веять, дуть", *вӗлкӑш* "развеваться".

Имитат. + -ӑр(-ӗр, -р) = гл.: *ихӗр* "чохотать", *какӑр* "рычать, отпрыгивать", *мӗкӗр* "мычать, рычать", *ахӑр* "кричать, шуметь".

Имитат. + -ӑл(-ӗл, -л) = гл.: *лӗпсӗрӗл* "слабеть, ослабевать", *епсӗрӗл* "разг. расплзаться, расплываться".

Имитат. + -шӑн = гл.: *йӑпшӑн* "притаиться, подкрадываться".

Имитат. + -лан(-лен) = гл.: *лйшлан* "успокоиться, утихать", *парлан* "быстро взиваться; вырываться, выбиваться".

Имитат. + -та(-те) = гл.: *йёкёлте* "дразнить, травить", *вёчёлте* "зудеть", *пйчёрта* "жать, сжимать, выжимать".

Имитат. + -кән(-кён) = гл.: *вйшкән* "мчаться, двигаться быстро", *вйкән* "устремляться, бросаться".

Имитат. + -әрка(-ёрке), -әрха(-ёрхе) = гл.: *лёрёрке* "мять, комкать", *лутёрка* "мять, комкать".

Гл. + -әх(-ёх, -х) = гл.: *кушәх* "сохнуть, просыхать, высыхать", *иртёх* "шалить, баловаться" (ирт "ослушиваться, не слушаться").

Гл. + -шән(-шён) = гл.: *сёршён* "гнить, подгнивать, загнивать, истлевать", *күйшён* "слегка разбухать, раздуваться".

Гл. + -ка(-ке) = гл.: *катка* "стучать, ударять (копая), долбить", *сёнкке* "дремать, клевать носом", *тёрке* "комкать, мять, трепать".

Гл. + -кән(-кён) = гл.: *сицкён* "блестеть, сверкать, сиять", *ыткән* "мчаться, нестись, быстро двигаться", *аскән* "развратничать, распутничать".

Гл. + -мәш(-мёш) = гл.: *йёрмёш* "хныкать, ныть", *урмәш* "ругаться, скандалить".

Гл. + -ар(-ер, -р) = гл.: *витер* "пронизывать", *пёсер* "варить", *йкер* "рочнять, сваливать", *пусар* "давить, придавить".

Гл. + -ла(-ле) = гл.: *сулла* "качать, раскачивать", *итле* "слушать, прослушивать; слушаться".

Гл. + -та(-те) = гл.: *тапта* "топтать, мять", *хисте* "принуждать, торопить" (*хёс* "сжимать, сдавливать").

Гл. + -ала(-еле) = гл.: *вётеле* "опаливать", *явала* "обвивать", *хāvала* "гнать, погонять", *чавала* "раскапывать".

Гл. + -ǎрка(-ǎрке), -ǎрха(-ǎрхе) = гл.: *кушǎрха* "сохнуть, подсыхать", *кǎтǎрке* "мерзнуть, коченеть".

Гл. + -ǎл(-ǎл, -л) = гл.: *уйǎл* (уйǎрǎл) "отделяться, разделяться, обособляться", *хирǎл* "скандалить, ругаться, браниться", *сурǎл* « раскалываться; разрываться ».

Гл. + -ǎн(-ǎн, -н) = гл.: *иртǎн* "шалить, баловаться", *парǎн* "сдаваться, капитулировать", *сǎрǎн* "касаться, прикасаться".

Гл. + -ат(-ет, -т) = гл.: *сǎрет* "водить что-либо, управлять чем-либо", *ǎрчет* "разводить; выращивать".

Гл. + -ǎс(-ǎс, -с) = гл.: *тапǎс* "лягаться, брыкаться (о лошадах)", *манǎс* "забываться, предаваться забвению".

Гл. + -аш(-еш, -ш) = гл.: *макǎраш* "плакаться, хныкать, скулить", *ǎпкелеш* "упрекать друг друга; жаловаться".

Гл. + -ǎш(-ǎш, -ш) = гл.: *сунǎш* "уставать до бессилия, изнуряться", *кǎрǎш* "наниматься, подряжаться".

Гл. + -тар(-тер) = гл.: *кǎрнеклентер* "делать красивым, пригожим", *кисрентер* "сотрясать, колебать".

Числит. + -лан(-лен) = гл.: *иккǎлен* "сомневаться".

Числит. + -лаш(-леш) = гл.: *пǎрлеш* "сговориться, соединиться".

Числит. + -ла(-ле) = гл.: *иккǎле* "двоить, раздваивать".

Словообразовательная семантика производных гаголов

В отечественном языкознании в трактовке словообразовательного значения можно выделить два основных направле-

ния. Первое исходит из синтагматического взгляда на производное, т.е. учитывает семантическую корреляцию его структурных частей, а второе выделяет прежде всего парадигматический аспект, т.е. главным, определяющим считает семантическое соотношение между производным и производящим. В рамках данных направлений обнаруживают себя несколько подходов к определению словообразовательного значения: 1) понимается как повторяющаяся "сумма" (у некоторых исследователей – "произведение" (значений производящей основы и словообразовательного форманта (так называемый бинарный подход), 2) трактуется как повторяющаяся семантическая "разность" производной и производящей основ ("разностная трактовка словообразовательной семантики"), 3) приравнивается общему значению, придаваемому аффиксом группе однотипных слов, 4) выводится только из значения аффикса, 5) выводится из значения мотивирующей основы, 6) понимается как семантическое приращение к значению слова, передающееся словообразовательными средствами.

Рассмотрим вкратце основные подходы к определению словообразовательной семантики. Словообразовательным значением В. И. Максимов называет общее значение, придаваемое суффиксом целой группе однотипных слов. Рассматривая основы смелость, храбрость и т.д., он выявляет у них общие значения – отвлеченный признак, объединяющий все производные с этим аффиксом и отличающий их от других производных основ. В теории В. И. Максимова словообразовательное значение присуще не самим производным, а образующим их аффиксам [44, 23-25]. Так же понимает словообразовательную

семантику И. С. Улуканов, который не раз подчеркивал, что словообразовательным можно назвать значение, выраженное с помощью словообразовательного форманта [73, 10]. Близкую трактовку деривационного значения находим у Р. С. Манучарян: "Основной носитель словообразовательного значения – аффикс (дериватор), а также аффиксоид (полуаффикс)". И здесь же оговаривает, что значение регулярного и продуктивного аффикса следует считать самодостаточным, но не самодовлеющим. Правоммерно говорить не столько о семантической несамостоятельности аффиксов, сколько о функциональной их несамостоятельности... Поскольку аффикс несамостоятелен, значение, которое ставится ему в соответствие – это его семантическая потенция, реализация и актуализация которой зависит прежде всего от внутрисловного контекста [46, 373].

В связи с вышесказанным встает вопрос, если значение аффикса актуализируется внутрисловным контекстом (под которым в данном случае понимается семантика производящей основы), то нельзя ли сказать, что в формировании словообразовательного значения наряду с аффиксом участвует и производящая основа.

Считая основным носителем словообразовательного значения немотивирующую часть производного, авторы высказываний абсолютизируют значение деривационного форманта. Хотя некоторые из исследователей и признают несамостоятельность семантики аффикса, ее зависимость от мотивирующей основы, тем не менее в аффиксе они видят основного выразителя словообразовательного значения.

Тезис о неконкретном, несамостоятельном характере значения деривационного форманта сформирован еще Г. О. Винокуром, который утверждал, что никакой сам по себе аффикс не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию [18, 425]. На указанное свойство словообразовательной морфемы обращает внимание лингвистов и Н. Я. Янко-Триницкая. "Значение суффикса, — пишет она, — реализуется только в соединении с производящей основой, да еще в сопровождении определенной системы флексий. Поэтому правильно было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря о значении образца" [81, 85].

Возможно ли вынести словообразовательное значение из значения словообразующего аффикса. Обратимся к материалу чувашского языка. Рассмотрим производные с аффиксами *лӑх(-лӑх)*, *-ла(-ле)*.

С аффиксом *-лӑх(-лӑх)*. 1. Слова со значением материала, средства, предназначенного для того, что названо мотивирующей основой: *вутлӑх* "материал для огня", *алӑклӑх* "материал для двери", *йӑхлӑх* "оставленное на племя", *ӑшлӑх* "начинка", *кӑшӑллӑх* "материал для обруча" и т.д. 2. Слова со значением места, изобилующего чем-нибудь: *тупӑлхалӑх* "место, изобилующее таволгой", *хурлӑханлӑх* "смородинник", *туйралӑх* "дубняк", *йӑмралӑх* "ветельник", *майӑрлӑх* "орешник", *мерченлӑх* "место, изобилующее кораллами": *вӑренелӑх*

"заросли клена" и т.д. 3. Слова с абстрактным значением: *пайталӑх* "полезность", *йӑкӑтлӑх* "удаль", *мухтавлӑх* "слава", *нишлӑх* "бессилие", *мӑкалӑх* "тупость", *суйкӑнлӑх* "возбуждение", *тараватлӑх* "гостеприимство".

С аффиксом *-ле(-ла)*. 1. Слова со значением превратить что-либо в то, что названо мотивирующей основой: *купала* "складывать в кучу", *консервла* "консервировать", *капанла* "метать стог" и т.д. 2. Слова со значением действовать орудием, инструментом, предметом, названным мотивирующей основой: *кипкеле* "пеленать", *хусӑкла* "копать, разрыхлять", *кӑсменле* "грести" и т.д. 3. Слова со значением перемешать, пропитать что-либо тем, что обозначено мотивирующей основой: *пылла* "подслащивать медом", *тӑварла* "солить".

Как видно из приведенных примеров, аффиксы участвуют в образовании слов с разными значениями. Выявление словообразовательной семантики из значений аффиксов невозможно из-за полисемантической последних. Значения аффиксов не автономны. Они предопределены внутрисловным контекстом, семантикой мотивирующей основы. Вариативность, зависимость значения аффикса от внутреннего контекста является стержневым моментом аффиксальной деривации, которая, создавая на базе уже существующего лексического фонда при помощи определенного количества формантов множество слов, демонстрирует огромную языковую экономию. Эта экономия в большей степени достигается семантическими свойствами аффиксов.

Неконкретность семантики деривационных формантов, их обусловленность семантикой производящего является в на-

стоящее время одной из актуальнейших проблем дериватологии.

Сторонники выявления словообразовательного значения из семантики форманта не учитывают специфическое свойство производных слов, а именно – двойную референцию их смысловой структуры, референции к миру действительности (отсюда индивидуальное лексическое значение каждого производного) и референции к миру слов (отсюда выводимость значения производного слова из значения другого, связанного с ним однокорневого образования). Так как производная единица своей семантикой и структурой обращена к миру слов, словообразовательное значение более рационально объяснять через мотивирующее ее слово. Выводя словообразовательное значение из значения аффикса, исследователи игнорируют самое главное в производном – его мотивированность.

В лингвистической литературе имеется и другая трактовка словообразовательной семантики. Некоторые исследователи полагают, что словообразовательное значение формируется из суммы значений производящей основы и форманта. И. А. Ширшов считает, что такая трактовка словообразовательного значения возможна, если определять место фразеологических наращений в семантической структуре производного слова. "Фразеологическое наращение, видимо, выполняет какую-то связующую функцию между значением производной основы и значениями аффикса. Его появление связано с особенностями производящих основ и задается ими, ср.: *тракторист* "тот, кто водит трактор", *гимназист* "тот, кто учится в гимназии". Появление разных фразеологических наращений

при одном и том же значении аффикса определяется семантикой производящих (*трактор, гимназия*), в них реализуется функциональная нагрузка аффикса, значение которого (лицо) является чрезвычайно обобщенным [79, 115-116]. Ср.: чув. *сулӑла* "делать плот, связывать в плоты" и *сӳреле* "боронить, вести боронование".

Нарращение значения обусловлено, видимо, семантикой мотивирующих основ и исходит от них. Являясь дополнительным компонентом семантической структуры производных, они выполняют, на наш взгляд, связующую функцию между значением мотивирующей части и значением многозначного форманта. На эту мысль наталкивает то обстоятельство, что фразеологическое наращение не имеется в производных с однозначными аффиксами. Но здесь пока еще много неясного. Выяснение причин фразеологических наращений и определение их места в семантике производных – задача специальных исследований.

Итак, при семантическом описании производных приходится принимать во внимание идиоматичность их значения. Однако разным производным может быть характерна разная степень идиоматичности. Например, в чувашском языке немало производных, в семантической структуре которых отсутствует идисматичное (наращенное) значение, ср.: *тӳрамлан* "крошиться, разрезаться на мелкие кусочки", *йӳранла* "делать грядки", содержащие в своей семантической структуре только значение производящих их основ и несколько не больше.

Верно то, что семантика производных не всегда формируется из суммы значений их составных частей, что семантика

мотивированного слова иногда шире, чем значение его составляющих, следствием чего является невыводимость значения слова из суммы значений его компонентов, чем и достигается эффект фразеологичности. Так же верно, что иногда семантика производного это не более чем сумма значений мотивирующей части и форманта.

Все это говорит о том, что при выявлении словообразовательного значения не всегда возможно опираться на фразеологичность семантики производных. Некоторые языковеды отмечают, что вся доза идиоматичности, содержащаяся в слове, разница между его реальным лексическим значением и его морфологической структурой реализуется нормой [12, 25].

П. А. Соболева при описании словообразовательных значений исходит из элементарной единицы словообразовательного уровня, под которой она понимает деривационный шаг (отношение производящего и производного). По ее мнению, в плане содержания каждому деривационному шагу соответствует общее словообразовательное значение, например, "признак, имеющий отношение к признаку", "субстанция, имеющая отношение к процессу", "процесс, имеющий отношение к субстанции" и т.д. Таким образом она выделяет в русском языке 16 общих словообразовательных значений [67, 77].

По логике вещей, когда есть общие значения, должны быть и частные. Действительно, П. А. Соболева выделяет и частные словообразовательные значения, что несколько не облегчает без того запутанную проблему. Если в классификации производных по их словообразовательным значениям придерживаться концепции П. А. Соболевой, то в чувашском и турец-

ком языках, например, под рубрику "процесс, имеющий отношение к субстанции" попадут все отыменные глаголы. Однако совершенно ясно, что по одной и той же модели, с одними и теми же аффиксами могут образоваться слова с разными словообразовательными значениями (см. приведенные выше примеры).

Определение словообразовательного значения через отношение мотивирующей и мотивированной основ неизбежно приводит исследователей к тому, что они начинают оперировать терминами категориального значения, доказательством чему является следующее высказывание В. Н. Хохлачевой: "... словообразовательное значение – значение, обусловленное семантическим категориальным взаимодействием единиц, производных и производящих, специфическое для каждого словообразовательного типа, но единое с точки зрения общих принципов своей обусловленности" [77, 36].

Проанализировав работы указанных выше авторов, И. А. Ширшов приходит к правильному заключению, что описание словообразовательного значения в терминах категориального значения не вскрывает истинной картины, не позволяет выявить специфику словообразовательной семантики, а само словообразовательное значение остается неопределенным [79, 111].

Категориальными значениями можно оперировать только в межкатегориальной деривации, где категориальные свойства производящих "ликвидируются" во имя того, чтобы производные обладали новыми категориальными свойствами. Во внутрикатегориальном словообразовании по понятным причинам

описание словообразовательной семантики в терминах категориального значения невозможно.

Итак, выявление словообразовательных значений исходя из деривационных шагов приводит к неизбежному оперированию термином частеречного (категориального) значения, что, как было показано выше, не для всякой деривационной подсистемы пригодно.

Словообразовательное значение более всего базируется на семантике производящей базы. Разные значения мотивирующей основы порождают разные значения мотивированных слов, иначе, значение производного базируется на определенном семантическом компоненте производящего. Это подтверждается многочисленными примерами чувашского и турецкого языков. Существительные, содержащие в своей семантической структуре сему "орудие", мотивируют глаголы со значением "действовать орудием, названным производящей основой". Ср.: *хыркӑчла* "чистить скребящей щеткой", *йёвенле* "надевать узду", *йётёрле* "катать скалкой, раскатывать". Существительные с семой "материал" мотивируют глаголы со значением "покрыть, намазать что-либо тем, что названо производящей основой": *пурӑла* "белить", *пӑхӑрла* "покрывать медью", *тӑмла* "мазать глиной".

На основополагающую роль мотивирующей основы в формировании семантики производных структур впервые указал Г. О. Винокур, подчеркивая, что значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое

описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов [18, 421].

Словообразовательное значение во многом определяется семантикой производящей основы, поэтому при его выяснении следует указывать не категориальное значение мотивирующих, а на одно из конкретных значений из общей семантики мотивирующих, на базе которого и формируется деривационное значение. Зная семную структуру производящей, можно исчислить значения, которые она может порождать, т.е. деривационную потенцию слова можно выявить только из его семантической структуры. Но в формировании словообразовательного значения участвует не только мотивирующая часть производного, о чем ниже будет сказано.

Чтобы понять сущность того или иного явления, в том числе и словообразовательного значения, необходимо соотносить его с однотипными явлениями, что и делается в настоящее время многими лингвистами. Представителями как синтагматического, так и парадигматического подходов к определению словообразовательной семантики признается необходимость различения трех типов языкового значения, грамматического, лексического и словообразовательного. "Словообразовательное значение, – пишет И. С. Улуханов, – охватывает часть слов, относящихся к той или иной части речи. В этом состоит его отличие от категориальных грамматических значений, таких, например, как значение предметности у существительного или процессуальности у глагола, охватывающих все слова данной части речи" [73, 10].

Отличие словообразовательной семантики от грамматической А. В. Бондарко видит в отношениях противопоставления в рамках единой морфологической категории, охватывающей все слова одной части речи [17, 4]. Р. С. Манучарян исходит из того, что разграничение типов языковых значений должно основываться на комплексе критериев – семантических и формальных, т.е. быть разносторонним. Рассматривая словообразовательное значение в разных аспектах, он отмечает, что словообразовательное значение является не синтаксическим, т.е. номинативным, оно не определяет зависимость слов в предложении, а отражает внеязыковую действительность, что в аспекте статуса информации словообразовательное значение является факультативными и по этому признаку противопоставлено грамматическому [47].

Ф. А. Ганиев отмечает, что во-первых, словообразовательное значение, в отличие от грамматических значений, охватывая, как правило, лишь часть слов, относящихся к той или иной части речи; во-вторых, оно не имеет и не образует противопоставлений, как это свойственно грамматическим категориям [20, 29].

Языковедами подчеркиваются и другие особенности словообразовательного значения. Его отличие от лексического состоит в том, что оно индивидуально, принадлежит группе слов и всегда содержит указание на мотивированного слова к мотивирующему.

Словообразовательная семантика по-разному соотносится с другими типами языковых значений. "Сравнительно невысокая степень таких параметров, как обобщенность, формальная выраженность, регулярность, повторяемость, стандартность

средств выражения определяет "лексичность" лексико-словообразовательных значений; сравнительно высокая степень этих параметров обуславливает "грамматичность" меж-типовых словообразовательных значений" [46, 375].

Нужно отметить, что многие теоретические положения рассматриваемой нами проблемы еще не разработаны или описаны весьма недостаточно. Немало спорных вопросов и интерпретаций. При всем многообразии подходов к определению словообразовательной семантики оно всегда понимается как типовая, категориальная и противопоставляется лексическому как индивидуальному и грамматическому как наиболее общему значению.

Элементы деривационной структуры приобретают большое значение именно потому, что, конструируя звуковую оболочку слова, они одновременно формируют его семантику. В ходе деривационного процесса происходит сцепление звуковой оболочки слова с его семантикой, что обусловлено структурно-семантическими особенностями конкретного языка.

Словообразовательное значение основано на мотивированности языковых единиц, поэтому в его формировании большую роль играет мотивирующая часть производного. Выявляя словообразовательное значение, нельзя абсолютизировать ни значение производящей основы, ни значение форманта. Но для объективности, не абсолютизируя, все-таки надо подчеркнуть основную роль основы в этом деле.

Сказанное несколько не должно принижать роль формантов в строении производных конструкций, основная роль которых – структурная, состоящая в формировании новых лек-

сем, и семантическая, состоящая в актуализации значений мотивирующих основ.

Образование каждого слова уникально и неповторимо. По своему деривационному значению слово может быть идентично и неидентично с однотипными образованиями. Элементы идентификации способствуют включению производного в класс слов, сходных по значению. Элементы же спецификации отличают производное слово от других однотипных с ним образований.

Словообразовательным мы считаем свойственное производному слову значение, отражающее реальную действительность, основанное на мотивированности слов и отличающееся от лексического значения как индивидуального, а от грамматического – как наиболее обобщенного.

Классификация производных глаголов по семантическому признаку

В тюркских языках словообразовательная семантика не является общей для однотипных образований. В смысле формальной выраженности словообразовательные значения в чувашском языке в большей своей части не стандартны, что обусловлено полисемантической многими деривационными формантами. В силу этого почти все словообразовательные значения в чувашском языке являются межтипными (термин "тип" здесь применяется в значении "модель").

Производные одной части речи – это подсистема общей деривационной системы языка, характеризующаяся определенным количеством средств выражения словообразователь-

ной семантики. Наиболее богатым инвентарем таких средств обладают две центральные части речи – имя существительное и глагол. В системе чувашского глаголообразования можно выделить слова со следующими деривационными значениями.

Превратить что-либо в то, что названо мотивирующей основой: *ванчӑкла* "крошить, превращать в труху"; *кӑмрӑклат* "превратить в уголь", *пӑрчӑлет* "гранулировать".

Создать, образовать предмет, обозначенный мотивирующей основой: *супкӑмла* "образовать кисть, гроздь", *валемле* "сгребать в валы"; *сапакалат* "образовать кисти", *хӑвӑллат* "дуплить, делать душло", *кӑтеслет* "делать, образовать угол".

Действовать орудием, инструментом, предметом, названным мотивирующей основой: *пӑрала* "буравить, сверлить", *хӑскӑчле* "зажимать клещами"; *чавсалан* "облокачиваться".

Снабжать, наделять что-либо или кого-либо качеством, свойством, цветом и т.д., указанными в мотивирующей основе: *тикӑсле* "ровнять, разравнивать", *тӑремле* "выравнивать, делать ровным, гладким"; *самӑрлат* "делать тучным, упитанным", *кӑтралат* "делать кудрявым, завивать"; *хурат* "чернить, красить в черный цвет".

Производить звуки или совершать действие с изданием звуков, выраженных мотивирующей основой: *кашла* "шуметь, гудеть", *нӑрла* "жужжать, гудеть"; *карӑклат* "каркать", *кӑрӑслат* "падать с шумом"; *ихӑлтет* "хихикать", *качӑртат* "скрипеть, хрустеть"; *лӑрка* "ворчать, брюзжать", *нӑйка* "жужжать, звенеть, пищать"; *вӑрлеш* "шуметь, гудеть", *сӑрлеш* "жужжать, звенеть".

Удалять, лишить, отделять предмет, который выражен мотивирующей основой: *тёшэле* "лущить, очищать от скорлупы", *хя́рәмла* "очищать от сажи", *кәкла* "корчевать, вырывать с корнем".

Смешать, перемешать, пропитать что-либо тем, что обозначено мотивирующей основой: *пәрәсла* "перчить", *сәнәхла* "перемешивать муку (в корм скоту)".

Наделять, снабжать кого-что-либо тем, что названо мотивирующей основой: *кәшәлла* "надевать, набивать обруч", *кантәкла* "остеклять, застеклять"; *мулат* "делать богатым".

Покрыть, украсить, отделать что-либо тем, что названо мотивирующей основой: *пурсәнла* "обшить шелком", *чәнтёрле* "украшать резьбой, узорами"; *шәрсалат* "украсить бисером".

Покрыть, намазать, обработать сверху тем, что названо мотивирующей основой: *йёсле* "оправлять в латунь, отделявать латунью", *супәнле* "намыливать", *пәхәрла* "покрывать медью".

Провести время или отрезок времени, обозначенные мотивирующей основой: *касла* "коротать, проводить вечер", *кунла* "проводить день", *ёмёрле* "вековать".

Делить или подразделять что-либо на то, что названо мотивирующей основой: *турамла* "резать на кусочки", *шәрпәкла* "щепать, измельчать", *сытәкла* "делить, рубить".

Мерить, измерять тем, что названо мотивирующей основой: *утәмла* "измерять шагами", *хәләсла* "уст. мерить саженью", *шитле* "мерить падями"; *аршәнлат* "уст. отмеривать что-л. поаршинно".

Пребывать в том состоянии, которое названо мотивирующей основой: *мухмърла* "находиться в состоянии похмелья", *сунасла* "чихать", *тунсáхла* "скучать, тосковать".

Проявить свойство, качество или отношение, названных мотивирующей основой: *ýкётле* "уговаривать", *хисепле* "почитать", *чысла* "почитать, чтить".

Придавать чему-либо форму предмета, делать таким, как предмет, который назван мотивирующей основой: *тёмескеле* "складывать кучей, кучкой", *тумхахла* "делать кочковатым"; *вáлашкалат* "делать с углублением", *кантралат* "придать вид веревки, сделать наподобие веревки".

Образование, появление у предмета того, что названо мотивирующей основой: *сапакалан* "распускаться (о почках)", *курáклан* "покрываться, зарастать травой", *кáмпалан* "покрываться грибами, заплесневеть".

Подвергать кого-или что-либо действию, названному мотивирующей основой: *сáнавла* "испытывать, экспериментировать", *тыткáнла* "брать в плен".

Приобретать то качество, свойство, признак, цвет и т.д., которые названы мотивирующей основой: *áйáхлан* "мелеть", *ансатлан* "облегчаться"; *кёскек* "укорачиваться", *ватáл* "стареть, стариться"; *кáвакар* "синеть, становится синим; седеть"; *шугáх* "выцветать; виднеться белым"; *пушан* "пустеть, становиться пустым", *áйáн* "согреваться, становится теплым, горячим".

Превращаться в тот предмет, что назван мотивирующей основой: *турпаслан* "превращаться в щепки", *нимёрлен* "превращаться в кашу".

Приходить в то состояние, которое названо мотивирующей основой: *пёчченлен* "уединяться", *ч'ахлахан* "калечиться, уродоваться".

Приобретение каким-либо лицом или живым существом того, что названо мотивирующей основой: *ç'апанлан* "покрываться фурункулами", *сухаллан* "обрастать бородой".

Совершать действие, свойственное лицу или животному, или стать тем, что названо мотивирующей основой: *ачалан* "ребячиться, вести себя по-детски", *йёкётлен* "мужать, взрослеть", *й'ыт'алан* "бран. наглеть, лишаться стыда и совести".

Совместное участие в процессе действия, взаимный переход в какое-либо состояние или пребывание в нем: *тавлаш* "спорить", *сутлаш* "судиться", *мирлеш* "мириться".

Выражение действия, происходящего в самом субъекте или с самим субъектом: *п'ас'ал* "портиться, ухудшаться", *хуç'ал* "ломаться", *ç'ар'ал* "возиться в грязи", *в'ёр'ёл* "простудиться после болезни".

Проявлять тот образ, который назван мотивирующей основой: *й'айт'артат* "сверкать", *лак'аштат* "ходить слегка прихрамывая"; *ялтлат* "вспыхивать коротко и отрывисто".

Совершать переходное действие над каким-либо объектом в отличие от непереходного действия, обозначенного мотивирующей основой: *кус'с'у* "передвигать", *п'ётер* "завершить", *пу-тар* "погружать во что-либо", *й'кер* "ронять, сваливать".

Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО–СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ГЛАГОЛООБРАЗОВАНИЯ

Структурно-семантическая характеристика производящих основ

Функционирование языка непременно требует определенной комбинаторики корневых и служебных (словоизменительных, формообразовательных, словообразовательных) морфем, а также сочетания аффиксальных морфем друг с другом, хотя аффиксы не могут комбинировать автономно, т. е. вне структуры слова. Конечный аффикс примыкает предыдущему как к компоненту лексической единицы. Аффиксы словообразования жизнеспособны до тех пор, пока они находятся в отношениях сочетаемости с единицами других уровней и одного с ним уровня. Примером постепенной утраты жизнеспособности является существование в языке некоторых непродуктивных аффиксов, встречающихся лишь в составе двух-трех слов, а некоторые из них обнаруживают себя в единичных образованиях, ср. именные аффиксы: *-мър (пумър)*, *-са (алса)*, *-тăк (хăшкăлтăк)*, *-пăк(-пĕк) (чĕлпĕк)*, *-ске (пĕрнеске)* и т. д., глагольные: *-та(-те) (чăмърта)*, *-че (тĕпче)*, *-пăн(-пĕн) (чĕлпĕн)*, *-хан (суйхан)*, *-хат (хумхат)*.

Язык как кодовое образование, естественно, имеет какие-то ограничения в структурировании своих единиц – морфем, слов, словосочетаний, предложений. Уяснение этих ограничений, несомненно, представляет большой интерес для языкознания. Впервые, это способствует выявлению пустых ниш и ячеек в сло-

вообразовательной системе языка, которые могут быть заполнены в соответствии с кодифицированными нормами языка или не заполнены соответственно этим же нормам. Во-вторых, можно будет выявить деривационные узлы и ветвления, возможные в языке, но еще не востребованные языковыми и не языковыми (внешними) потребностями, а также описать типологию словообразовательного синтеза языка и линейную расположенность морфем в структуре производных единиц.

Порядок морфем в производных структурах и их глубина определяется, во-первых, всей предшествующей деривационной историей конкретного слова, во-вторых – совокупностью всего морфемного инвентаря, представленного в языке, а также распределением в системе морфем определенных значений. Деривационную историю слова удобнее представить в виде цепочечной записи, ср. имена: *пӑлхан* – *пӑлхану* – *пӑлханусӑрлӑх* "спокойствие, невозмутимость"; глаголы: *сивӗч* – *сивӗчлен* – *сивӗчлентер* "затачивать", *туй* – *туйӑм* – *туйӑмсӑр* – *туйӑмсӑрлат* "делать менее чувствительным", *кӑвас* – *кӑвасак* – *кӑвасаклан* – *кӑвасаклантар* "делать кислым", *чыс* – *чысӑр* – *чысӑрла* "позорить, осквернять", *шай* – *шайлаш* – *шайлаштар* "выравнивать", *кӑк* – *кӑкар* – *кӑкарӑн* "быть привязанным", *шыв* – *шывсӑр* – *шывсӑрлан* – *шывсӑрлантар* "лишать воды, обезвоживать", *чӑр* – *чараксӑр* – *чараксӑрлан* «стать несдержанным, болтливым», *чап* – *чаплӑ* – *чаплӑлан* – *чаплӑлантар* "делать превосходным, великолепным", *чампӑр* – *чампӑртат* – *чампӑртаттар* "плевать», *вит* – *витӗм* – *витӗмсӑр* – *витӗмсӑрлет* "делать неубедительным".

Определенная часть производных глагольных конструкций относится к более глубоким относительно нашего времени словам, другая часть – к более близким. Ясно, что из приведенных выше многоступенчатых слов самыми древними производными единицами являются слова первой ступени, а самыми молодыми – основы последней ступени. Таким образом, протяженность производных структур связана с лингвистическим временем, неизменным параметром существования языковых структур.

Деривационная история определяет и морфемный состав, и словообразовательную структуру слова. Кроме того, образование потенциальных производных определяется имеющимися в языке различными факторами, влияющими на порождение производных конструкций, к числу которых относятся и сложившиеся в языке комбинаторные ограничения. Например, в чувашском языке не могут сочетаться аффиксы *-лӑх* (*-лӑх*) и *-тар(-тер)*, *-у(-ӹ)* и *-ӑс(-ӗс)*, *-сӑр(-сӗр)* и *-шка(-шке)*.

Из глаголообразующих морфем не комбинируются следующее: *-тат(-тет)* и *-ӑл(-ӗл)*, *-ка(-ке)* и *-ал(-ел)*, *-лаш(-леш)* и *-ӑс(-ӗс)*, *-а(-е)* и *-ӑн(-ӗн)*, *-ал(-ел)* и *-тар(-тер)* и т. д.

Однако сочетаемость аффиксов – не постоянная величина. Отсутствовавшие в языковом прошлом комбинации могут проявляться в нынешнем состоянии языка, а те, которые не материализованы в языковом настоящем, могут появиться в будущем. Это связано с экстралингвистическими условиями, которые диктуют внутрилингвистические изменения в традиционно сложившейся словообразовательной комбинаторике.

Анализ производных глаголов показал, что подавляющее

большинство их из двух морфем, т.е. они образованы из корневых слов: *йёрле* "следить, выслеживать; следовать за кем-либо", *кусла* "примечать, наблюдать, следить"; *тйварлан* "солиться; засаливаться, насыщаться солью (о почве)"; *илемлет* "украшать"; *туслаш* "подружиться, стать друзьями; влюбиться друг в друга, полюбить друг друга", *вёрлеш* "шуметь, гудеть, галдеть"; *вёче* "раздражаться, злиться", *хашка* "пыхтеть, сопеть, шумно дышать", *ситер* "доводить, довозить"; *ухър* "ухать, восклицать"; *сёнел* "обновляться, становиться новым"; *пухън* "собираться, набираться"; *семсет* "делать мягким, размягчать; расслаблять", *сёрёш* "гнить, подгнивать, загнивать; перен. разлагаться, развращаться"; *вайкйш* "бросаться, кидаться, устремляться; течь быстро, стремительно".

Язык структурно организован так, что в нем из конечного количества элементов (фонетических, грамматических, деривационных) строится беспредельное количество комбинаций. Каждая комбинация имеет формальное завершение, причем большинство завершенных форм является для последующих деривационных комбинаций. Таким образом, производные конструкции обычно опять становятся исходным, т.е. как и в любом языке, в чувашском и турецком возможны такие цепные реакции, при которых многие (но не все!) производные становятся исходной базой для следующей реакции.

Структура производного слова поддается количественному измерению. В качестве единицы измерения могут выступать: 1) количество звуков или слогов, 2) количество морфем в слове. Первый из названных параметров указывает лишь на длину слова, не отражая степень его морфемной протяженности

(усложненности), второй же параметр отражает как морфемную, так и фонетическую (непосредственно) организованность слова, т.е. его глубину и длину. Исследуя глубину слов, можно выявить их морфемную усложненность, и в результате – ее максимальный предел.

Слова могут содержать столько морфем, сколько дозволено сложившейся системой языка. Структурная характеристика производящих основ поможет установить эту дозволенность в системе аффиксального словообразования. Часть производной лексики чувашского языка содержит в своем составе три морфемы. А это означает, что их производящие основы являются двухморфемными, т.е. словами первой ступени деривации.

Сказанное можно иллюстрировать следующими примерами. Глаголы второй ступени словообразования, образованные от двухморфемных производящих основ: *йёп-се-ле* "колоть, прокалывать (иглой); скреплять иглицами"; *май-кăч-ла* "надевать ошейник; надевать ограничительную рогатку; заарканить"; *кас-мăк-лан* "захлестываться (за шею) прост. быть затянутым арканом, петлей", *кёрп(е)-ек-лен* "становиться зернистым, крупчатым, рассыпчатым"; *ан-сăр-лат* "делать узким", *вай-сăр-лат* "ослаблять, обессиливать; ослаблять, делать менее сильным"; *юна-в-лаш* "угрожать, грозить друг другу"; *ăш(ă)-ăрха-н* "чувствовать жар; бѣть в жару", *пуç-тар-ăн* "собираться, набираться; сосредоточиваться; убираться, быть убранным"; *хуйхă-р-т* "причинять горе, печаль, огорчать; заботить, беспокоить"; *кур-н-ăç* "видеться, встречаться, повидаться с кем-либо"; *уш-ёл-тер* "разрушать, рушить, разваливать".

В качестве основы при глаголообразовании может использоваться и трехморфемная основа, т.е. основа, состоящая из корня и двух деривационных аффиксов. Они представляют собой слова второй ступени словообразования и являются, таким образом, базой для следующей, третьей ступени деривации.

Глаголы третьей ступени словообразования, т.е. образованные от основ с тремя морфемами: *күл(ё)-лен-чёк-лен* "стоять лужами, разливаться"; *сул-ән-кә-лан* "становиться ухабистым", *вил-ём-сёр-лет* "делать бессмертным"; *хән-ар-т-ән* "выпячиваться, выпираться"; *кәмәл-сәр-лан-тар* "вызывать недовольство, портить настроение, огорчать".

В чувашском языке очень мало глаголов, находящихся на четвертой ступени деривации, т.е. производных от четырехморфемных основ: *кил-ёш-ү-сёр-лен* "становиться неприличным, непристойным; быть нелепым; становится непривлекательным, некрасивым", *ав-кала-н-чәк-лан* "становиться извилистым, изогнутым, искривляться"; *кан-әç-сәр-лан-тар* "беспокоить, тревожить, волновать", *тух-әç-сәр-лан-тар* "делать малоурожайным, малопродуктивным, делать неплодородным; понижать производительность".

Имеется несколько глаголов, созданных на основе пятиморфемной производящей основы, ср. *çавр-ән-әç-у-сәр-лан* "становиться неловким; неуклюжим; становится вялым, инертным" и *çавр-ән-әç-у-сәр-лат* "лишать подвижности, делать неловким; делать вялым, инертным".

При рассмотрении словообразовательной базы глаголов (совокупности слов, выступающих в качестве производящих) обнаруживается следующее. Количество морфем в произво-

дящей базе является существенным фактором для словопроизводства. Глубина (морфемная протяженность) производящих баз обратно пропорциональна количеству производных от них основ. Безусловно, заданное значение вновь образуемого слова влияет на его протяженность, состав и порядок элементов, находящихся в нем. Элементы же формальной структуры слова, находясь в определенных комбинациях, являются систематизирующим маркером семантики производного. Слово с определенным значением имеет соответствующую ему деривационную морфемную структуру, т.е. присущий ему внутренний предел. Чем длиннее слово, т.е. чем больше в нем морфем, тем оно информативнее.

Глаголообразующие основы, выступающие как материальный костяк производного, равны обычной основе – основе синтаксической формы слова. Но имеются и усеченные основы, сделавшиеся таковыми в процессе деривации.

Глагольные аффиксы образуют вместе с корнем лексическую основу слова, которая в зависимости от количества аффиксов может быть производной первой ступени (с одним словообразовательным аффиксом), второй степени (с двумя аффиксами), третьей ступени (с тремя аффиксами) и т. д. В отличие от глаголов, находящихся на первой ступени словообразования, глаголы, относящиеся ко второму, третьему, четвертому и пятому ступеням, имеют как поверхностную, как и глубинную деривационную структуру.

Анализ показывает, что самыми активными среди одноморфемных производящих основ являются существительные, среди двухморфемных – глаголы, среди трехморфемных также глаголы

и среди четырехморфемных тоже они. Наименее активными из одноморфемных производящих основ являются местоимения, из двухморфемных – существительные, из трехморфемных – прилагательные.

На современном этапе развития системы аффиксального глаголообразования не представлены производящие основы следующих структурных типов, двух-, трех-, четырех-, пятиморфемные имитативы, наречия, числительные, местоимения; четырех- и пятиморфемные существительные; пятиморфемные глаголы. Среди двух-, трех-, четырехморфемных основ преобладают глаголы, одноморфемные же основы представлены преимущественно существительными.

Значительная часть глаголов образована от производных основ. Но слова, образованные от непроезводимых (одноморфемных) основ, преобладают. Таким образом, структурные факторы оказывают сильное влияние на создание новых слов.

Из каких бы частей не состояла производящая основа, выступая как базовое слово, она представляет собой структурное и семантическое единство. Пока вновь созданная лексема не приживется в языке, от него последующих новых слов не строится. Трехморфемные слова, т.е. основы с двухморфемными производящими базами составляют промежуточную группу между центром и периферией глагольной производной лексики языка.

Средняя глубина слов в области производных глаголов равна 3 морфемам. Среди новообразований нет или почти нет слов, глубина которых превышала бы среднюю глубину. Тенденция к незначительному увеличению глубины слова, вернее

сказать – его длины, поддерживается и усечением основ типа: 1) *шанкӕрав* "звонок" – *шанкӕравла* "звонить", 2) *вӕрӕ* "вор" – *вӕрла* "воровать". Аффиксальное словообразование от слов с разной морфемной структурой вроде бы должно вести к росту глубины и длины слова, но этого не происходит. Видимо, и здесь сказывается тенденция к экономии в языке на всех уровнях.

Структурная и семантическая характеристика производящих основ глаголов, на ваш взгляд, во многом способствует описанию всей словообразовательной базы языка, т. е. всю совокупность слов, способных выступать в качестве производящих.

Одни из вновь образованных языковых единиц могут, другие не могут в дальнейшем выступать в качестве исходных для новых структурных преобразований. Это зависит, помимо всего прочего, и от конечного аффикса в слове. Например, аффикс *-ӕн(-ён)*, находясь в конечной позиции слова, оказывает отрицательное воздействие на глаголообразование. От основ типа *чӕррӕн* "живьем, живым", *хӕраххӕн* "одинок, в одиночестве" вербальные производные конструкции не порождаются. Свое влияние здесь, конечно же, имеют и семантические факторы.

Языковая комбинаторика, диалектика плана содержания и плана выражения наиболее прозрачно проявляется в деривационных процессах, структурно-комбинаторные преобразования являются неисчерпаемым источником пополнения словарного состава языка производными единицами.

Линейность, синтаксичность деривационных процессов есть уникальное фундаментальное свойство, определяющее в

содержательном аспекте характер деривационных процессов и структуру производных словесных комплексов. Любые производные конструкции представляют собой способ выражения той информации, которая в сжатом и свернутом виде содержалась в мотивирующей основе.

Анализируя структурные особенности производящих основ, нельзя пройти мимо следующего момента, характерного для глагольного словопроизводства. Расширение и обогащение словарного состава языка происходит как за счет внутренних ресурсов, так и за счет заимствований из других языков. Многие интернациональные заимствования находят весьма широкую сферу употребления в научно-технической и общественно-политической прозе, в разговорном языке, что не может не влиять на словообразовательные процессы в языке. Как и в других областях аффиксальной деривации, в системе глагольного словообразования чувашского и турецкого языка можно выделить особый пласт лексики – основы, образованные от заимствованных слов.

Заимствованные производящие основы вступают в деривационные отношения как цельные основы. Как нам кажется, для структурного анализа аффиксальной словообразовательной системы рассматриваемых языков разложение их на морфемы не представляет научной ценности.

Среди производящих основ имеются и исходно не первичные слова, которые не сохранили генетико-деривационных связей со своими производящими, а значит, потеряли былую членимость на составляющие части. В этих словах не чувствуются характеризующие современную деривационную систему

живые функциональные связи. При глубоком этимологическом зондировании этих слов можно обнаружить омертвелые диахронические связи между архаичным корнем и формантом. В процессе структурного и исторического развития языка в таких словах произошло опрощение, при котором ранее производные слова перестали члениться на морфемы и превратились в непроизводные с точки зрения современного состояния языка единицы. Приведем некоторые опрощенные слова, которые участвуют в глаголообразовании как исходная база: *тусан* «пыль» – *тусанлан* «пылиться, пачкаться в пыли», *шърпӓк* «шепка, лучина» – *шърпӓкла* «измельчать, щепать», *тӓнӓҫ* «спокойствие» – *тӓнӓҫлан* «успокаиваться, утихать», *тӓме* «пуговица» – *тӓмеле* «застегивать» и другие. В этих словах, производящих глаголы, семантическая связь с исходными основами не сохранилась, их морфемная структура дольше, чем смысловая сторона, хранит в себе следы истории языка.

Семантическая структура глаголов сложна и многообразна. Поэтому рассмотрение деривационных значений производных вербальных основ нельзя отделить, во-первых, от изучения их лексических значений, а во-вторых – от исследования семантики производящих основ, так как именно она оказывает непосредственное влияние на формирование семантики результивной единицы. Следовательно, описание семантики производных глаголов должно сопровождаться лексико-семантической характеристикой исходных основ.

В семантической структуре производящей основы всегда содержится значение, обусловленное принадлежностью слова

к той или иной части речи, т.е. понятие предметности, признаковости, действия и т. д. От существительных глаголы образуются с одними словообразовательными значениями, от прилагательных – с другими.

Слова же одной части в отношении формируемых ими значений производных распределяются по-своему.

Нет ни одного существительного, семантика которого позволяла бы участвовать в формировании всех имеющихся деривационных значений отсубстантивных глаголов. Это относится и к активным производящим основам. Признак, обозначаемый ими, кладется в основу глаголов с определенными деривационными значениями основы, мотивирующие глаголы чувашского языка, как правило, многозначны и потенциально содержат целый ряд значений, которые материализуются, актуализируются при комбинировании их с определенными аффиксами. Немало и других семантических нюансов, которые не могут быть неучтенными в дериватологических исследованиях, носящих семиологический характер.

Необходимо тщательно исследовать семантические признаки основ глаголообразования, что позволяет понять значение соответствующих производных, даже если они не отражены в словарях или истолкованы составителями словарей не совсем точно. Исследование семантических свойств производящих в итоге должно представить взаимосвязь между лексико-семантической характеристикой определенных слов с их словообразовательной валентностью.

Итак, для выявления семантических особенностей производных глаголов необходимо изучение семантики единиц,

предопределяющих их формальную и смысловую структуру – производящей основы и формата. Попытаемся для начала выявить общие лексико-семантические признаки производящих основ чувашского языка, распределяя их по семантическим группам.

1. Глаголы с основами, обозначающими названия процесса, действия-состояния или признака процесса: *чикёмле* "брать вилами" от *чикём* "охват", *тунсӑхла* "скучать, тосковать; грустить, печалиться" от *тунсӑх* "скука, тоска; грусть, печаль"; *асаплан* "мучиться, страдать; возиться, долго заниматься чем-либо" от *асап* "мучение, страдание", *вёчӗлен* "злиться, раздражаться" от *вёчӗ* "злоба, ярость"; *хавхалат* "вдохновлять, воодушевлять" от *хавха* "вдохновение"; *кутӑнлаш* "упрямиться, капризничать" от *кутӑн* "упрямый, капризный" *сусӑрӑн* "получить рану, травму; заболеть, становиться больным; становиться калекой, уродоваться" от *сусӑр* "больной, раненый; калека"; *хуйхӑр*, "горевать, печалиться; заботиться, беспокоиться" от *хуйхӑ* "горе; забота, беспокойство".

2. Глаголы с основами, обозначающими результат процесса или признак результата процесса:

а) *результат процесса*: *пёвеле* "прудить, запруживать" от *пёве* "пруд", *чикӗле* "разграничивать, размежевывать, устанавливать границы" от *чикӗ* "граница"; *калӑплан* "формироваться" от *калӑп* "форма"; *хутлат* "образовать складки, сборки; складывать, сгибать" от *хут* "слой"; *тӑванлаш* "родниться, становиться родственниками, брататься" от *тӑван* "родственник"; *хӳтер* "загораживать, огораживать" от *хӳтӗ* "защита, укрытие", *сурат* «рожать» от *сура* «детёныш»;

б) признак результата процесса: *вёриле* "прокаливать, прожаривать; обдавать кипятком" от *вёри* "горячий", *вашмакла* "делать покатым, положим" от *вашмак* "покатый, пологий"; *туллилен* "становиться полным, тучным, упитанным, полнеть" от *тулли* "полный, тучный, упитанный"; *каваклат* "делать синим, голубым" от *кавак* "синий, голубой", *танлаш* "равняться, становиться вровень" от *тан* "равный"; *кивел* "становиться ветхим, ветшать; устаревать" от *кивё* "старый, ветхий"; *кука́ръл* "искривляться" от *кука́р* "кривой"; *сывахар* "приближаться" от *сыва́х* "близкий";

в) со смешанным значением результата и формы: *йа́ранла* "проводить борозды; межевать; делать грядки" от *йа́ран* "борозда; межа; грядка", *кантра́лан* "принимать форму веревки" от *кантра* "веревка"; *шаршанлат* "укладывать штабелями, стопами" от *шаршан* "штабель, поленица";

г) со смешанным значением результата и признака: *йа́рмла* "делать полосатым, наносить полосы на поверхность чего-либо" от *йа́рм* "полоска", *курпунлан* "становиться горбатым, горбиться" от *курпун* "горб"; *такáрлат* "укатывать, утрамбовывать, делать ровным" от *такáр* "гладкий, ровный".

3. Глаголы с основами, обозначающими орудие или средство, необходимое для осуществления действия: *йёнерле* "сделать" от *йёнер* "седло", *катмакла* "мотыжить, разрыхлять" от *катмак* "мотыга", *кёслеле* "спутывать"; *чёркуслен* "становиться на колени" от *чёркусси* "колени".

4. Глаголы с основами, обозначающими материал, предмет, с помощью которых осуществляется действие: *йёсмеле* "уст. отделять тесьмой, шнуром" от *йёсме* "тесьма, шнур";

сурчаклан "пачкаться слюной" от сурчак "слюна"; хърямлат "коптить" от хърям "сажа, копать"; шавар "поливать, орошать" от шыв "вода".

5. Глаголы с основами, обозначающими предмет, объект действия: йӓлла "застегивать" от йӓлӓ "петля"; хуртлан "червиветь" от хурт "червь, червяк"; сукхалат "пришивать воротник" от суха "воротник"; саклат «застегивать» от сакӓ «петелька», сӓсӓлеш "схватиться за волосы" от сӓс "волосы"; юнӓх "покрыться кровопотеками" от юн "кровь"; сӓна "наблюдать, следить, замечать" от сӓн «вид, облик, образ».

6. Глаголы с основами, обозначающими способ, вид, форму совершения действия: сийле "класть пластами, напластывать" от сий "пласт, слой"; кӓтеслен "складываться углом, образовать угол" от кӓтес "угол", харӓслат "проявить единый прорыв, сделать дружное усилие" от харӓс "дружно"; йӓван "катиться; ползти, медленно двигаться" от йӓва "колобок".

7. Глаголы с основами, обозначающими действующее лицо: мастьӓрла "мастерить" от мастьӓр "мастер", асамсӓла "колдовать, ворожить, заниматься знахарством" от асамсӓ "колдун", хуралла "сторожить, караулить" от хурал "караул"; мастьӓрлан "становиться мастером своего дела" от мастьӓр "мастер".

8. Глаголы с основами, обозначающими время: вӓрахла "медлить, мешкать" от вӓрах "медленно", ёмӓрле "вековать" от ёмӓр "век", сӓрле "ночевать" от сӓр "ночь".

9. Глаголы с основами, обозначающими место и направление: витӓрле "пробирать насквозь" от витӓр "насквозь", пусла

"начинать" от *пуç* "начало", *хирёçле* "противиться" от *хирёç* "против".

10. Глаголы с основами, выражающими звукоподражания и образоподражания: а) слова, изображающие сигналы и крики живых существ: *кăлăкла* "квохтать" от *кăлăк* "подр. квохтанию"; *карклат* "каркать (о вороне)" от *карк* "подр. карканью вороны"; *мăйăлтат* "жужжать" от *мăйăл* "подр. жужжанию насекомых"; *нăйка* "пищать" от *нăй* "подр. тонкому гудению, звону, жужжанию насекомых"; б) слова, изображающие звуки прикосновения (*стука, гула, скрипа, скрежета и т.д.*): *кариклет* "скрипеть" от *карик* "подр. скрипу несмазанной телеги, двери"; *качăртат* "скрипеть, хрустеть, издавать скрип, хруст" от *качăр* "подр. скрипу, хрусту, скрежету"; *такка* "стучать, долбить" от *так* "подр. стуку"; в) слова, изображающие звуки, связанные с явлениями природы: *кашлат* "шуметь гудеть" от *каш* "подр. шуму ветра, леса"; *пăкăлтат* "булькать, журчать" от *пăкăл* "подр. бульканью, журчанью воды"; *кашла* "шуметь, гудеть" от *каш* "подр. шуму ветра, леса"; *лашка* "лить, идти (о дожде)" от *лаш* "подр. шумному плеску выливаемой жидкости"; г) слова, изображающие движение: *вăртлат* "быстро повернуться, обернуться" от *вăрт* "подр. — о быстром движении"; *вётёртет* "семенить, ходить мелкими шагами" от *вётёр* "подр. — о семяющей походке", *вёрке* "сновать, двигаться взад и вперед" от *вёр* "подр. — о быстром разбегании в разные стороны", *вёлкеш* "развеваться, колыхаться" от *вёл* "подр. о слабом колебании", *тёлкеш* "мерцать" от *тёл* "подр. о слабом мерцании".

11. Глаголы, производные от глаголов:

а) от глаголов действия: *шиёл* "разрушаться, рушиться" от *иш* "разрушать, рушить", *сёмёрёл* "биться, разбиваться" от *сёмёр* "бить, разбивать";

б) от глаголов состояния: *вёчёлентер* "злить, озлоблять, раздражать" от *вёчэлен* "злиться, раздражаться", *хэрат* "пугать, страшить" от *хэра* "бояться, пугаться";

в) от глаголов движения: *уттар* "идти шагом, шагать" от *ут* "идти, шагать", *кустар* "катать" от *кус* "катиться", *кусар* "передвигать" от *кус* "перемещаться";

г) от глаголов речи: *чэнтэр* "вызывать" от *чён* "звать, вызывать", *калас* "говорить" от *кала* "сказать, говорить";

д) от глаголов мышления: *ёнлантар* "объяснять, разъяснять, пояснять" от *ёнлан* "понимать, осознавать", *ёнкарт* "догадываться" от *ёнкар* "соображать, догадываться";

е) от глаголов восприятия: *курён* "становиться видным, виднеться" от *кур* "видеть", *илтён* "слышаться" от *илт* "слышать";

ж) от глаголов ощущения: *систер* "выдавать, проявлять" от *сис* "чувствовать, ощущать", *туйён* "чувствоваться, ощущаться" от *туй* "чувствовать, ощущать";

з) от глаголов, обозначающих проявление или изменение признака: *йўсеклентер* "придавать кислый, кисловатый вкус" от *йўсеклен* "становиться кислым, кисловатым";

и) от глаголов, обозначающих взаимоотношения людей: *тиркеш* "быть слишком разборчивым" от *тирке* "быть разборчивым", *савён* "радоваться, веселиться" от *сав* "любить".

Данная классификация производящих основ по семантическим признакам неполная и в некоторой степени условна.

Количество основ, относящихся к той или иной семантической рубрике, точному подсчету не поддается. Одни и те же основы по отношению к действию, выражаемому глаголом, одновременно могут обозначать результат процесса или предмет осуществления действия, объект или средство действия и т.д. В чувашском языке, например, в глаголе *хаййрла* основа *хаййр* "песок" в значении "превращать в песок" выражает результат процесса, а в значении "испачкать в песке" – материал, предмет осуществления действия (ср. также: *кёллен* "1. превращаться в золу; 2. покрываться золой" от *кёл* "зола"; *тислёлкен* "1. превращаться в перегной, навоз"; 2. покрываться навозом" от *тислэк* "навоз", *уламлан* "1. превращаться в солому, 2. быть в соломе" от *улам* "солома").

В глаголе *турпасла* существительное *турпас* "щепка" в значении "щепать" выражает объект действия, а в значении "сорить щепками" – предмет, материал осуществления действия. А в глаголе *сухйрлан* основа *сухйр* "смола" в значении "делаться смолистым" обозначает признак результата процесса, а в значении "пачкаться смолой" – материал, предмет осуществления действия.

Такая же картина наблюдается и в других тюркских языках, например, в азербайджанском. "Обозначая именные основы как орудие, средство, материал и т.д., – пишет Э.В. Севор-тян, – мы отмечаем лишь преобладающие значения основ, под которое подводятся все или почти все имена, служащие базой глаголообразования. Однако нельзя оперировать указанными понятиями с математической точностью во всех без исключения случаях, так как здесь возможны переходные случаи от

значения орудия к значению средства, от последнего – к значению материала" (63, 40).

Семантическая соотносительность производящих и производных основ

Наблюдения над материалом чувашского аффиксального глаголообразования показывают, что семантическая соотносительность производящих и производных основ, хотя и проявляется в разных случаях по-разному, все же подлежит типизации. Приведем некоторые типичные случаи семантической корреляции производных и производящих основ:

а) Глаголы, производные от одного значения многозначной основы: *кусӑх* "уст. подвергаться сглазу" от *кус* "1. глаз 2. зрение 3. взгляд, взор 4. отверстие, дырочка, ушко 5. глазок 6. звено (окна) 7. ячейка 8. стежок"; *йӗплен* "становиться иглистым, колючим" от *йӗп* "1. игла 2. игла, хвоя 3. колючки (ежа) 4. шипы 5. стрела 6. заколка 7. спица 8. стержень";

б) Глаголы, развившие дополнительные значения: *пӑрала* "1. буравить, сверлить 2. перен. сверлить" от *пӑра* "бурав"; *тыткӑнла* "1. брать в плен 2. перен. пленять" от *тыткӑн* "плен". В вышеназванных глаголах дополнительные значения возникли в результате дальнейшего семантического развития самого производного глагола.

в) Глаголы, образованные от переносного значения производящих основ: *анчӑклан* «становиться нахальным, наглеть» от *анчӑк* "1. щенок 2. собака 3. бран. собака, мерзавец"; *сысналан* "вести себя нагло, нахальничать" от *сысна* 1. свинья 2. перен. прост. свинья, негодяй";

г) Глаголы, перенявшие все значения производящих основ: *пехилле* "1. напутствовать 2. завещать 3. уст. благословлять" от *пехил* "1. напутствие 2. завещание 3. уст. благословение"; *тёкёле* "1. подпирать, ставить подпорку 2. запирать на засов" от *тёкё* "1. подпорка 2. засов".

Имеются случаи, когда переносное значение производящей основы не передается в производный глагол. Например, в глаголе *тумхахла* "делать кочковатым, бугристым", образованном от основы *тумхах* "1. кочка, бугорок 2. перен. трудности, препятствия" не обнаруживается второе, переносное значение.

Рассмотрев типичные случаи семантической соотносительности производящих и производных основ в системе аффиксального глагольного словообразования, можно сделать следующие выводы.

Смысловые связи производных и производящих основ характеризуются многообразием. Не всегда легко определить, на базе какого конкретного инварианта семантики производящей основы возникло то или иное образование. Но об одном можно сказать твердо, в обеспечении семантической преемственности, соотносительности важнейшую роль играет мотивирующая основа. Конкретная семантика производной основы соотносится с конкретной семантикой производящей.

Слова образуются на базе и прямых, и переносных значений исходных единиц. Но большинство производных возникает на основе прямых значений. На базе одного значения может возникнуть несколько слов, т.е. каждое значение производящей может дать начало новому деривационному ответвлению.

Производные могут перенять многозначность производящих. Однако это характерно не всем глаголам.

Иногда значение производящих и производных могут быть очень близкими, что приводит к синонимии производящих и производных основ. Это явление свойственно только отглагольным глаголам.

В производных словах могут развиваться дополнительные значения, т.е. те, которые потенциально не были в семантике производящих основ. Степень близости значений производных и производящих основ может быть различной. Менее близки к своим исходным основам слова, развившие дополнительные значения. В самых близких семантических отношениях с мотивирующими их основами находятся слова, перенявшие все значения базового слова. В словах, находящихся в деривационных отношениях, можно выделить три типичных случая в соответствии с тем, в какой степени значение одного слова отражается в значении другого слова: а) все значения одного слова представлены в семантике другого слова, б) часть значений одного слова входит в значение другого слова, в) лишь один компонент семантики одного слова имеется в значении другого.

Любой производный глагол предполагает наличие соответствующей мотивирующей основы. Если из языка исчезает соответствующая производящая основа или же глагол перестает семантически соотноситься с ней, первый теряет свою производительность и членимость и претерпевает процесс опрощения.

Выявление закономерностей смысловых связей при словообразовании, их типология – трудная, но увлекательная зада-

ча, которая ждет своего решения. Семасиологам, дериватологам предстоит разрешить большие проблемы, связанные с описанием семантических корреляций производных и производящих основ. Пока же мы не имеем обоснованной типологии семантической соотносительности производных и производящих. Поэтому естественным можно признать субъективизм, встречающийся в словарном толковании производных глаголов, особенно в дифференциации многозначных и омонимичных аффиксальных образований.

Мотивированные слова по-разному могут соотноситься с отдельными значениями мотивирующего, вследствие чего возможно появление омонимичных структур в словообразовательных парадигмах и цепях (например, в чувашской лексикографии наблюдается тенденция к полисемантизации производных омонимов, т.е. подача омонимов как многозначных слов, ср. толкование значения слова *юна́х* "1. покрываться кровопетками 2. таить злобу, злиться" в "Чувашско-русском словаре" издания 1982 года).

Способность реализовать определенные значения в производном слове зависит от семантической структуры (семной организации) производящего. Например, если в производящем существительном есть сема "орудие", то в производном может быть реализовано значение «работать, действовать орудием, названным в мотивирующей основе» и т.д. Если в производящем отсутствует указанная сема, образование от него слов с данным значением невозможно.

Все сказанное выше в данной части настоящей работы посвящено по существу роли производящих основ в формировании

нии внутренней формы производной лексической единицы, которая определяется в первую очередь его деривационной структурой и отражает типы семантических корреляций между производными и производящими. Но деривационные элементы (основы и форманты) приобретают большую значимость и в установлении семантических отношений между конкретным изолированным знаком и другими знаками языковой системы. Следовательно, они влияют на определенные места данного знака относительно других.

Словообразование – это область вторичных структур, идеолингвальное значение которых определяется их связями с другими лексическими единицами данного языка. Это касается, во-первых, семантических отношений производного и производящих основ, во-вторых – функционирования значения производных слов в лексематической структуре, т.е. семантического соотношения как производных слов между собой, так и производных слов с непроизводной лексикой.

Анализ деривационной структуры слова, способа его образования приводит в конечном итоге к выявлению структурно-семантических сходств и различий производной единицы с уже имеющимися в языке словами. При этом обнаруживаются разные отношения между производными основами – синонимические, омонимические, антонимические, исследование которых в определенной степени поможет систематизировать семантические явления, имеющие место в рамках определенной группы слов на современном этапе развития системы аффиксального глагольного словообразования. Например, в системе производной глагольной лексики чувашского языка вы-

деляются следующие структурные типы семантически соотносительных образований: 1) синонимы, образованные от разных основ посредством одного аффикса, 2) синонимы, образованные от разных основ посредством разных аффиксов, 3) синонимы, образованные от одной основы посредством разных аффиксов. Данные структурные образования представляют широко распространенную деривационную синонимию в области аффиксального глагольного словообразования. Под деривационной синонимией в данной работе понимаются отношения семантической близости между производными основами, возникающие в результате словообразовательных процессов. Синонимы порождаются на базе определенных семантических предпосылок и структурных образований.

В чувашском языке можно выделить следующие структурные типы синонимичных глагольных образований:

а) синонимы, образованные от разных основ посредством одного аффикса: *кишĕкле* – *кипекле* "очищать от шелухи", *катмарлан* – *капмарлан* – *сулмаклан* "становиться тяжелым, громадным, массивным", *маттурлан* – *кервенлен* – *кĕрелен* – *кĕрнеклан* – *патварлан* "становиться сильным, здоровым, крепким", и т.д.;

б) синонимы, образованные от разных основ посредством разных аффиксов: *йĕçĕх* – *кăвасаклан* "киснуть, скисать", *нушалан* – *пăсан* – *касăл* "мучиться, томиться" и т.д.

в) синонимы, образованные от одной основы посредством разных аффиксов: *кăвакар* – *кăваклан* "синеть, голубеть, становиться синим, голубым", *тикĕсле* – *тикĕслет* "равнять, разрав-

нивать", *кужърл* – *кужърлан* "искривляться, сгибаться», *иртён* – *иртёх* "шалить, баловаться".

Наблюдения над синонимичными глагольными образованиями показывают, что в чувашском языке одно и то же значение или очень близкие значения могут соотноситься с различными фономорфологическими комплексами, т.е. со словами разных деривационных структур. Синонимия вторичных образований может быть следствием синонимии производящих. Это так называемая отраженная синонимия. Но данная синонимия может быть основана не на синонимичности основ, а на том, что основы эти являются однокоренными. Ср.: *туран* – *турамлан* "крошиться, разрезаться", *капърлат* – *капърлантар* "наряжать, украшать", *кăварлат* – *кăварлантар* "превращать в угли", *тёксёмлет* – *тёксёмлентер* "затемнять". Схематическое схождение семантических слов вовсе не означает существование в языке абсолютных синонимов. Значения, возникшие вновь в иных структурах, не совпадают полностью с теми же значениями, ранее имевшимися в языке. Производные синонимы могут различаться объемом передаваемой информации и присущими им стилистическими и экспрессивными свойствами.

Синонимы, образованные от одной производящей основы, имеют частичное формальное совпадение. Частичным формальным тождеством обладают и синонимы, образованные от разных основ с помощью одних и тех же аффиксов.

Комбинация тех или иных единиц плана выражения с единицами плана содержания в каждом языке уникальна и идиоэтнична. Примером тому служит отсутствие во многих языках

производных синонимов рассмотренных нами структурных типов. Насколько нам известно, в имеющейся многочисленной литературе по русской словообразовательной синонимии речь всегда идет об однокоренных образованиях в разных подсистемах аффиксального словообразования.

Выявленный нами большой массив синонимичных производных глаголов свидетельствует о том, что фактор наличия слова, синонимичного возможной производной единице, особую "блокирующую" роль не играет.

Кроме рассмотренных структурных типов синонимов в исследуемой нами деривации отчетливо выделяется другой вид синонимии – синонимия производящих и производных основ, который можно назвать лексико-словообразовательной синонимией, имея в виду непроемный характер производящего члена синонимичной пары, ср. *џџ* – *џџкџн* "блестеть, сверкать, сиять", *хытџрка* – *хытџркалан* "сохнуть, засыхать", *йџр* – *йџрмџш* "плакать, хныкать", *куш* – *кушџрка* "сохнуть, подсыхать", *тип* – *типшџн* "сохнуть, сушиться", *ас* – *асџх* "развратничать".

В процессе глаголообразования порождаются не только синонимичные, но и омонимичные конструкции. Нельзя говорить об омонимии, т.е. характеризовать то или иное слово в отдельности как омоним. Омонимом можно назвать слово, однокоренное с другими, но отличное от него по значению. По-другому, омонимы – это разные слова, состоящие из тождественных фонемных рядов, т.е. слова, имеющие совершенно идентичную звуковую оболочку. Существуют и другие определения омонимии. Но какой бы дефиницией мы не пользова-

лись, в определении омонимов всегда присутствует факт констатации определенного отношения. Следовательно, если задаться целью изучения омонимии в какой-нибудь области словообразования, необходимо выделить образования, находящиеся в соответствующих формально-семантических отношениях.

Некоторые производные омонимы возникли при присоединении к омонимичным основам одного и того же аффикса. Словообразовательная омонимия в данном случае предопределена равноименностью производящих основ. Ниже приводим иллюстрацию к такой омонимии: *шӑртлан* 1 "щетиниться, торчать" от *шӑрт* 1 "щетина" и *шӑртлан* 2 "злиться, сердиться" от *шӑрт* 2 "злость, гнев", *вӑйлат* 1 «делать сильным, крепким» от *вӑй* 1 «сила» и *вӑйлат* 2 "жужжать, свистеть" от *вӑй* 2 "подр. свисту при быстром движении", *сӗмлен* 1 "темнеть, погружаться в мрак» от *сӗм* 1 "темнота, тьма" и *сӗмлен* 2 "раздумывать, быть занятым мыслями" от *сӗм* 2 "сознание".

Анализ деривационного материала дает нам основание сделать вывод о том, что в чувашском языке наряду с другими факторами, в образовании омонимов немаловажным является и фактор деривационный. Омонимия нашла определенное развитие в системе производной глагольной лексики чувашского языка. Словообразовательная актономия представлена тремя типами структурных образований:

а) антономия глаголов, производных от антонимичных основ при помощи разных аффиксов: *кӗске* "укорачиваться, убавляться" от *кӗске* "короткий" – *вӑрӑмлан* "удлиняться, становиться длиннее" от *вӑрӑм* "длинный", *мӑкат* "делать ту-

пым" от *мӓка* "тупой" – *сӓвӓчлет* "делать острым, точить" от *сӓвӓч* "острый";

б) антонимия глаголов, производных от антонимичных основ с помощью одного и того же аффикса: *йывӓрлан* "становиться тяжелым" от *йывӓр* "тяжелый" – *сӓмӓллан* "становиться легким" от *сӓмӓл* "легкий", *кивел* "становиться ветхим, старым" от *кивӓ* "старый, ветхий" – *сӓнел* "обновляться, становиться новым" от *сӓнӓ* "новый";

в) антонимия основ, производных от неантонимичных основ с помощью разных аффиксов: *пӓтер* "кончать, заканчивать" от *пӓт* "кончаться" – *пусӓн* "начинать" от *пус* "начало", *хуйхӓр* "горевать, печалиться" от *хуйхӓ* "горе, печаль" – *савӓн* "радоваться, веселиться" от *сав* "любить" и т.д.

Анализ антонимичных глагольных образований свидетельствует о том, что антонимия чувашского языка развивается и за счет (может быть и главным образом) производной лексики. Слова с противоположным значением образуются в большинстве случаев от антонимичных же основ. Это можно назвать антонимией производящих основ при тождестве аффиксов. Но, как было показано, антонимы образуются не только от антонимичных основ.

Существуют определенные закономерности, которые предопределяют возможность или невозможность образования слов, в том числе синонимов, омонимов и антонимов. Выявление, изучение этих закономерностей – одна из основных задач дериватологии. Подходы к словообразованию не только от формы, но и от значения позволяют точнее определить сферу его действия и выявить многие интересные явления, к числу

которых относятся и только что рассмотренные нами деривационная синонимия, омонимия и антонимия. Образование словообразовательных синонимов – это способ языка представлять одни и те же сущности разными структурными образованиями, а образование омонимов – способ представлять разные сущности одинаково. В образовании синонимичных, омонимичных и антонимичных структур ярко проявляется связь словообразования с лексической системой языка.

О функциональной природе аффиксов глаголообразования

Функциональная природа аффиксов глагольного словообразования сложна и многообразна. Она складывается из ряда функций. Во-первых, реализуя свою основную функцию – деривационную, аффиксы одновременно выполняют и грамматическую функцию, т.е. функцию индикации принадлежности производного определенной части речи – глаголу. Наличие у словообразовательных формантов общеграмматического значения, возвышающегося над отдельными лексическими значениями, неоднократно подчеркивалось известными лингвистами.

Грамматическая функция едина для всех формантов данного класса и именно она определяет их место в системе словообразовательных средств. Все слова, как первичные, так и вторичные, включаются в определенные морфологические разряды. Поэтому в известной мере можно сказать о «подчиненности» частной лексической функции словообразовательных аффиксов их более общей грамматической функции, т.е. производности их лексической функции от грамматической.

Дериватолог должен учитывать обе эти функции, чтобы на фоне их взаимодействия глубже понять функциональную структуру словообразовательных формантов. В целях адекватного описания функциональной роли формантов представляется целесообразным описывать их лексическую (собственно семантическую, модификационную) и грамматическую функции дифференцированно.

Во-вторых, аффиксы глаголообразования, создавая слова, различные по частеречной принадлежности с исходной основой, выполняют *транспонирующую функцию*. Многие аффиксы реализуют данную функцию переводя субстантивные, адъективные, нумеральные, междометные и имитативные основы в класс глаголов. Понятно, что функциональная транспозиция связана не только с грамматическим, но и семантическим сдвигом.

Транспонирующая функция аффиксов имеет немаловажное значение для семантического и структурного развития языка, ибо благодаря ей существуют межкатегориальные (межчастеречные) словообразовательные отношения и структурно развиваются словообразовательные гнезда, пополняясь производными разных частей речи.

В-третьих, аффиксы глаголообразования характеризуются различными сочетаемостными свойствами. *Комбинаторная функция* аффиксов, отмеченная еще в аналитических исследованиях словообразования, все больше освещения находит в работах, выполненных в аспекте словообразовательного синтеза. Данная функция аффиксов реализуется в производных словах и, конечно же, связана со структурно-семантическими особен-

ностями производящих основ. Следует иметь в виду и то, что любая производная основа может быть образована лишь в том случае, если за ней стоит реальный денотат, допускающий сложную номинацию. Комбинаторная функция аффиксов не связана непосредственно с выражением значения и призвана передать внутриязыковую информацию о структурной организации производных основ. Существует связь между содержанием производной единицы и комбинаторными функциями формантов, ибо та или иная вторичная конструкция создается для передачи определенного значения. Язык развивается, комбинируя более простые единицы для создания более сложных единиц. Комбинаторика является основным и единственным принципом структурной организации языковых единиц независимо от их производности - непроизводности в строгом смысле этого слова. Из этого вытекает, что комбинаторные функции деривационных формантов наряду с другими должны быть включены в исследования.

В-четвертых, аффиксы глаголообразования, как и все деривационные морфемы, выполняют *семантические функции*. В тюркологии на сегодняшний день достаточно остро стоит проблема смысловой структуры словообразовательных аффиксов. Некоторые тюркологи оспаривают их семантическую самостоятельность. Но ясно, что семантические функции аффиксов связаны с дифференциацией глаголов по словообразовательным значениям.

Комбинаторная функция аффиксов глаголообразования

Дериватологи, в основном исследователи русского словообразования, в последнее время часто пользуются понятием "словообразовательная потенция", применяя его к производящим основам. В то же время понятие это связывается с деривационными формантами. Между тем не только способность слов порождать новые слова, но и возможность аффиксов участвовать в конструировании новых единиц являются частью общей проблемы языковой потенции.

Деривационная потенция формантов реализуется в производных конструкциях. Поэтому, хотя словопроизводственные морфемы, как и все значимые единицы, являются отдельными элементами языка, их функции нельзя рассматривать изолированно, т.е. вне соединений с производящими основами. Это вытекает также из того основополагающего положения, что все аффиксальные морфемы (независимо от их принадлежности к словоизменению или словообразованию) являются служебными единицами языка. Более детализированное исследование семантической и формальной структуры производящих основ – с одной стороны, и уяснение сочетаемостных возможностей формантов – с другой, способствовало бы выявлению закономерностей словообразовательной комбинаторики.

Словообразовательные возможности аффиксов определяются их комбинаторными функциями, которые исходят из их семантических и фонетических свойств. Инвентарь словообразовательных формантов богаче и разнообразнее инвентаря грамматических морфем. Разнообразие возможных комбина-

ций морфем с трудом обозримо и не находит пока адекватного отражения в исследованиях по тюркскому словообразованию. Но если учесть, что проблемы словообразовательного синтеза приобретают в настоящее время особую теоретическую и практическую значимость, исследование правил словообразовательной комбинаторики любого языка должна представлять большой интерес.

Деривационный уровень – это уровень комбинирования строевых единиц словообразования. Хотя в лингвистике порождающими уровнями принято считать синтаксис и словообразование, на самом деле собственно порождающим является последний, где из базовых единиц порождется множество слов. Правила комбинирования применяются в основном к словам, принадлежащим центральным частям речи и призваны породить слова, принадлежащие в основном центральным частям речи (существительным, прилагательным, глаголам). Любая фундаментальная теория словообразования должна содержать, во-первых, описание исходного материала словообразовательного процесса и результата этого процесса – производных слов, во-вторых – правила комбинирования этих исходных единиц.

Выявление комбинаторных функций деривационных морфем необходимо для изучения синтагматических отношений в области словообразования. Невозможно будет представить полную картину словообразовательной синтагматики до тех пор, пока не будут изучены семантические и фонетические свойства сочетаемости имеющих в языке деривационных

морфем. На таком важном участке тюркской деривации, как синтагматика, многое остается еще не решенным.

На всякую производность в языке накладываются ограничения. Необходимо выявить семантические и формальные ограничения, налагаемые на деривационную комбинаторику системой языка. В результате должны наметиться типы словообразовательной сочетаемости для каждой группы аффиксов и каждого лексико-грамматического класса исходных основ. Деривационная система в этом плане может рассматриваться с точки зрения тех ограничений, при которых не могут быть образованы аффиксальные производные по общим правилам чувашского словообразования. Основное внимание при этом должно быть уделено следующим моментам: 1) к каким типам производящих основ присоединяется тот или иной формант, 2) в каком порядке сочетаются друг с другом несколько формантов. Таким образом, изучение комбинаторных функций аффиксов позволяет понять специфику словообразовательных тенденций, выявить их внутреннюю обусловленность и эволюцию, а также сделать существенные обобщения для решения ряда сложных вопросов, имеющих актуальное значение для теории и методологии словообразования.

В системе глаголообразования чувашского языка имеются аффиксы, сочетающиеся с основами, относящимися к одной части речи, и аффиксы, сочетающиеся с основами нескольких частей речи.

Исследование сущностных характеристик деривационной системы языка невозможно без описания дистрибуции отдельных словообразовательных элементов, возможностей и резуль-

татов их сочетаний в определенных условиях. Сочетаемость – неперенное свойство единиц языка, обусловленное такими основополагающими свойствами языковых единиц, как линейность, иерархичность. В результате сочетания (комбинации) словообразовательных элементов возникают единицы, отличающиеся от исходных новыми качествами.

Комбинаторика является основным принципом организации всех языковых единиц, поэтому при описании деривационного строя приходится обращаться к формальным ориентирам, к числу которых относятся и формы сочетаемости. Сочетаемость, как известно, бывает формальная и семантическая.

При описании сочетаемости формантов с исходными базами удобнее всего пользоваться словом «валентность». Понятие валентности было открыто в логике в прошлом веке. В языковедческих исследованиях это понятие начало применяться в конце 40-х годов нашего столетия (по аналогии с химией). Под валентностью лингвисты понимали свойство определенных разрядов слов сочетаться с другими словами.

В нашей работе валентность понимается как свойство аффиксов глаголообразования сочетаться со словами разных лексико-грамматических классов. Каждый аффикс обладает способностью сочетаться с исходными основами и другими аффиксами, и эта способность реализуется в производных лексических комплексах. С этой точки зрения валентностью обладают все аффиксы. Но разные аффиксы обладают разной валентностью. Бывают одновалентные аффиксы, т.е. аффиксы, сочетающиеся со словами только одной части речи. Имеются и многовалентные форманты.

Многовалентным является аффикс *-ла(-ле)*, который присоединяется: а) к именам существительным: *сасӑла* "голосовать", *сӑлтавла* "мотивировать"; б) к именам прилагательным (*асӑла* "величать", *йӑмшакла* "рыхлеть, прихварывать"); в) к подражательным словам (*сатӑрла* "крепко хватать, сжимать", *мӑрла* "мурлыкать"); д) к глаголам (*сулла* "качать, раскачивать"); е) к числительным (*иккӑле* "двоить, раздваивать"). Данный аффикс сочетается с основами следующих морфологических типов: 1) с основами на все гласные, кроме *ы, о* (в чувашском языке слов, оканчивающихся на эти гласные, нет, а от заимствованных слов с данными гласными производные посредством этого аффикса не образуются): *пурала* "рубить, ставить сруб", *сӑнӑла* "жалить", *вӑрле* "прокаливать", *пӑрула* "телиться, ягниться, котиться", *йӑксӑле* "икать", *кӑвӑле* "слагать, сочинять", *виӑселе* "мерить". 2) с основами на все сонорные: *пусӑмла* "мерить шагами", *йӑкевле* "точить, подтачивать", *сӑкӑлле* "зацеплять крючком", *сӑнла* "изображать, показывать", *сӑйла* "угощать"; 3) с основами на все шумные согласные: *йӑсле* "оправлять в латунь", *канашла* "советоваться, совещаться", *кантӑкла* "остеклять, застеклять", *кӑшкасӑла* "точить (косу)", *питле* "критиковать", *юмахла* "разговаривать"; 4) с основами с аффрикатой *ч*: *кӑвӑрчла* "делать шкварики" и т.д. Для аффикса *-ла(-ле)* в фонетическом плане нет никаких ограничений, он может присоединяться к основам с любым гласным и согласным.

В чувашском языке аффикс *-лат(-лет)* можно назвать пятивалентным. Он примыкает к основам субстантивным: *вӑйлат* "усиливать", *вӑрманлат* "облесить"; адъективным:

а́мрлат "хмурить", а́раснлат "изменять"; местоименным: пѣтѣмлет "обобщать"; имитативным: вѣшлат "производить шум при быстром движении", краклат "каркать", ярлат "лететь"; междометным: вѣсилет "натравливать, науськивать", хаҗлат "гнать свиней". Рассматриваемый аффикс сочетается с основами, оканчивающимися: 1) на все гласные, кроме о, ы: майрлат "делать что-либо подобно русской женщине", хѣмпѣлат "делать, пускать пузыри", вѣҗлеклет "делать остроконечным", кунѣлет "успокаивать", шарилет "разг. вопить"; 2) на все сонорные: кѣварлат "превращать в горящие угли", курпунлат "горбить", туллат "обтягивать", тѣпемлет "переполнять", нумайлат "множить", пирчевлет "делать жестким"; 3) на все шумные согласные: йѣшлат "множить", кѣмрѣклат "обугливать", лѣслат "моросить", ансатлат "облегчать", җепѣҗлет "делать красивым", кѣплет "падать с шумом"; 4) на аффрикату ч: качлат "тюкать".

Четырехвалентным является аффикс -лан(-лен), который присоединяется: к именам существительным: а́ратлан "становиться породистым", нишлен "заболеть рахитом", сухаллан "обрастать бородой"; к прилагательным: кѣрсакалан "спылить, горячиться", кѣптѣрккелен "кутаться"; к числительным: иккѣлен "сомневаться"; к наречиям: хулленлен "становиться медленнее". Данный аффикс присоединяется к основам следующих морфонологических типов: 1) со всеми гласными на конце, кроме о, ы: уралан "стать на ноги", йѣтѣлан "наглеть, терять стыд", лѣпѣлен "поражаться легочным паразитом", кѣленчелен "стекленеть", салхулан "становиться грустным", туллилен "становиться полным", хѣрѣлен "воодушевляться,

вдохновляться"; 2) со всеми шумными согласными: *ёнтрёклен* "смеркаться", *варайшлан* "пойти в трубку, стебель", *вутлан* "пламенеть, гореть", *кэмпйслан* "покрываться плесенью", *йайптэхлан* "изнашиваться, рваться", *улайлан* "становиться могучим", *курнаёслан* "кривляться", 3) со всеми сонорными: *авёрлан* "быть омутистым", *анлан* "расширяться", *суйлан* "волноваться, быть возбужденным", *лаьман* "сыреть, увлажняться", *муллан* "обогащаться", *хунавлан* "пускать побеги»; 4) с аффрикатой ч: *кирпёчлен* "принимать форму кирпича". Для аффикса *-лан(-лен)* также нет никаких фонетических ограничений.

Аффикс *-лаш(-леш)* пятивалентен, присоединяется к основам: существительных (*сүйслеш* "схватиться за волосы"); прилагательных (*кутэйшлаш* "упрямиться"); имитативов (*ёрлеш* "шуметь, галдеть"); числительных (*пёрлеш* «объединяться»); наречий (*хапэйллаш* "проявлять гостеприимство, быть взаимно приветливым").

Данная словообразовательная морфема сочетается с основами, оканчивающимися: 1) на все сонорные: *тавлаш* "спорить", *тэванлаш* "родниться", *саламлаш* "здороваться", *тёрлеш* "шуметь", *туйлаш* "токовать (о птицах)"; 2) на шумные согласные: *кёртлеш* "быть в периоде течки", *сывлаьхлаш* "здороваться", *юплеш* "сходиться (о дорогах)"; 3) на гласные: *тйёрлеш* "диал. мириться". Аффикс *-лаш(-леш)* присоединяется к основам не на все гласные и согласные. Думается, это не результат каких-либо его фонетических особенностей (как и форманты *-ла(-ле)*, *-лан(-лен)*, *-лат(-лет)*, он мог бы присоединяться ко всем существующим фонетическим типам основ).

Но это невозможно из-за семантических ограничений. Количество производных на *-лаш(-леш)* не превышает нескольких десятков.

Аффикс *-ърха(-ърхе)* четырёхвалентен, производит глаголы от основ существительных (*асърха* "замечать"); прилагательных (*айърха* "быть в жару"), глаголов (*кушърха* "сохнуть"), подражательных слов (*пайърха* "выжиматься").

Аффикс *-ях(-ях, -х)* четырехвалентен, примыкает к прилагательным (*пачях* "задышаться"); существительным (*кусях* "сглазиться"); глаголам (*иртях* "баловаться"); имитативам (*вешях* "кричать, шуметь").

Четырёхвалентным является и аффикс *-шан(-шен)*, посредством которого образуются глаголы от основ адъективных (*ютшан* "чуждаться"), глагольных (*пёршен* "диал. прижиматься, ссыхаться, свертываться"), субстантивных (*хутшан* "присоединяться", *шикшен* "бояться, пугаться"), имитативных (*йашан* "лнуть; красться"). Выступает после основ с согласными *к, т, п, р* (см. вышеприведенные примеры).

К четырёхвалентным относится и аффикс *-ял(-ял, -л)*, соединяющийся к основам: субстантивным (*нимёрял* "превращаться в кисель"), адъективным (*тярял* "отстаиваться; очищаться"), глагольным (*чарял* "раскрываться, разгибаться") наречным (*тйакял* "накапливаться; набиваться"). Сочетается *-ял (-ял, -л)* с основами, имеющими в конце: 1) гласные *я ё* (*ватял* "стареть, стариться", *чёрял* "оживать"), 2) сонорные *р, й* (*сирял* "раздвигаться, расходиться", *таял* "наклоняться, нагибаться"), 3) шумные согласные *ш, с, з, т* (*ишял* "разрушаться, об-

рушиваться", *пәсәл* "портиться", *сәтәл* "изнашиваться", *хуҗәл* "ломаться").

Четырехвалентен и аффикс *-ат(-ет, -т)*, примыкающий к основам: существительных (*сұрат* "рожать"), прилагательных (*сәрат* "сгущать"), глаголов (*сәрт* "гноить"), слова *сук* (*сұхат* "терять").

Сочетается *-ат(-ет, -т)* с основами, имеющими в конце: 1) гласные *а, е, ә, ё* (*сарат* "делать желтым", *сәнет* "обновить", *тасат* "чистить, очищать").

Трехвалентным является аффикс *-әр(-ёр, -р)*, который присоединяется к основам: субстантивным (*хуйхәр* "горевать"), адъективным (*питёр* "запирать, закрывать; затыкать"), имитативным (*ахәр* "кричать, шуметь").

Сочетается *-әр(-ёр, -р)* с основами, оканчивающимися на: 1) гласную *ә* (*хуйхәр* «горевать»), 2) шумные согласные *х, к* (*ихёр* "хохотать; визжать", *какәр* "отрыгивать"), 3) сонорный *н* (*ёнёр* "тихо мычать").

К трехвалентным относится также аффикс *-ал(-ел, -л)*, присоединяющийся к основам: существительных (*сұрал* "рождаться"), прилагательных (*йўнел* "обесцениваться"), слова *сук* (*сұхал* "исчезать").

Сочетается *-ал(-ел, -л)* с основами, имеющими в конце: 1) гласные *а, ә, е, ё* (*мәкал* "тупиться", *сарал* "желтеть", *шөвел* "разжижаться", *сўхел* "истончаться"), 2) согласной *к* (*сұхал* "исчезать").

Двухвалентен и аффикс *-ан(-ен, -н)*, посредством которого производятся глаголы от основ: существительных (*тутан*

"снимать пробу; отведать"), прилагательных (*пушан* "пустеть"), глаголов (*таптан* "вытаптываться").

Сочетается данный аффикс с основами на: 1) гласные *а, е, ә* (*йёпен* "мокнуть", *асърхан* "остерегаться", *пушан* "пустеть").

Четырехвалентным является аффикс *-ән(-ён, -н)*, примыкающий к основам: субстантивным (*пузән* "начинать"), адъективным (*әшән* "греться"), глагольным (*курән* "видеться"), слова *пур* (*пурән* "жить, существовать").

Сочетается *-ән(-ён, -н)* с основами, оканчивающимися на все шумные согласные, сонорные *в, й, л, р* и гласные *ә, ё*. Имеется единственное слово от основы с конечным *н*, который мало употребляется в речи (*манән* "забываться") и совсем мало основ с конечными *ә, ё* (*әшән* "греться", *сәхән* "жадничать", *сивён* "остывать").

Аффикс *-ар(-ер, -р)* трехвалентен, присоединяется к основам существительных (*пасар* "покрываться инеем"), прилагательных (*кәвакар* "синеть, голубеть") и глаголов (*пусар* "давить"). Выступает после основ, оканчивающихся на: 1) сонорные согласные *л, в* (*чалар* "сесть", *шәвар* "поливать; поить"), 2) шумные согласные *к, с, ç, т, х* (*кәкар* "привязать", *пуçар* "начинать", *хәтар* "избавлять", *çывхар* "близиться").

Аффикс *-та(-те)* трехвалентен, присоединяется к существительным (*чәмәрта* "сжимать"), имитативам (*пәчәрта* "жать, сжимать"), глаголам (*тапта* "топтать, растаптывать"). Производных с этим аффиксом также не более десяти.

Аффикс *-аç (-еç, -ç)* двухвалентен, производит глаголы от существительных (*вырнаç* "располагаться») и прилагательных

(*йӱнеç* "окупаться"). Выступает после мотивирующих основ с гласными и сонорным *н* (примеры см. выше).

Аффикс *-ча(-че)* двухвалентен, присоединяется к существительным (*тӕпче* "расспрашивать; исследовать") и глаголам (*кӱпче* "разбухать").

Аффикс *-кӱн(-кӕн)* двухвалентен, примыкает к основам имитативным (*вӕшкӱн* "мчаться, двигаться быстро") и глагольным (*сиккӕн* "блестеть, сверкать"). Выступает после основ с конечными *р, ш, й, ç, т* (*вӕйкӱн* "бросаться", *вӕркӱн* "стремительно нестись", *ыткӱн* "нестись", *вӕркӕн* "мчаться").

Аффикс *-а(-е)* двухвалентен, образует глаголы от субстантивных (*сӕна* "наблюдать") и имитативных (*йӱлтӕра* "блестеть") основ.

Аффикс *-ка(-ке)* двухвалентен, участвует в отглагольном и отымитативном словообразовании (*тӕрке* "комкать, трепать", *йӱска* "моросить"). Выступает после основ со следующими звуками: 1) сонорные согласные *н, р, й, л, в* (*йӱнка* "гудеть", *лӕрка* "ворчать", *нӕйка* "пищать", *палка* "клокотать", *чавка* "чавкать"), 2) шумные согласные *ш, п, с, к, т* (*лашка* "лить", *лӕпка* "ласково похлопывать", *лӕска* "трясти", *чанкка* "бить со звоном", *катка* "стучать, ударять копая"), 3) аффриката *ч* (*тӱчке* "разг. бить, колотить").

Аффикс *-га(-ре)* двухвалентен, присоединяется к имитативам (*навра* "болтать") и прилагательным *йӕпре//йепре* "мокнуть".

Аффикс *-тар (-тер, -ттар, -ттер)* двухвалентен, производит глаголы от глагольных основ (*çитер* "кормить") и существительного (*пуçтар* "собирать, набирать"). Выступает после

основ с конечными гласными *а, е, у, ү, и* (*ййшкаттар* "растравлять, тревожить", *йёвенлеттер* "заставить надевать узду", *сутар* "заставить подоить", *сүјтер* "заставить ошкуривать") и согласными *н, х, с, в, к, ç, р, л, м, п, ш* (*ййçёхтер* "разъедать, раздражать", *канăçтар* "удовлетворять", *кăсăклантар* "интересовать, занимать", *кёвелтер* "творожить, квасить", *найкăштар* "пиликать, наигрывать", *пистер* "отталкивать, охлаждать", *сиктер* "передвигать, перемещать" и т.д.).

Аффикс *-кăш(-кёш)* одновалентен, образует глаголы от подражательных слов (*найкăш* "визжать, скулить"). Присоединяется к основам с сонорными согласными в ауслауте.

Аффикс *-тат(-тет)* одновалентен, присоединяется к имитативам (*тёмпёртет* "греметь, грохотать"). Выступает после основ с конечными согласными *р, л, ш, с* (*чăкăлтат* "щебетать", *йăкăштат* "шаркать", *лёмётет* "плестись, тащить").

Аффикс *-аш(-еш, -ш)* одновалентен, участвует во внутрикатегориальном словообразовании глаголов (*саплаш* "рассчитываться"). Выступает после основ с сонорными *р, л* (*үхёреш* "шуметь", *илеш* "повадиться") и гласными *а, е* (*тёккелеш* "толкаться", *суллаш* "махаться").

Аффикс *-ăш(-ёш, -ш)* одновалентен, присоединяется к глагольным основам на согласные *р, л, ç, к, п, т, в* (*çёрёш* "гнить", *тёкёш* "бодаться", *вårçăш* "сориться", *сунăш* "изнуряться", *савăш* "радоваться", *пулăш* "помогать").

Анализ словообразовательной сочетаемости, проведенной в направлении от форманта к мотивирующей основе показал, что в системе глаголообразования чувашского языка отсутст-

вует строгая прикрепленность аффиксов к определенной части речи, следствием чего является и не строгая регламентация рамки их семантической наполняемости. Способность глаголообразующего аффикса тюркских языков создавать глаголы как от имен, так и от глаголов Э. Севортян объясняет их синкретичным характером. Эта черта, по его мнению, свойственна в принципе всем аффиксам глаголообразования, она характеризует определенный этап в истории тюркского словообразования, который прошли все формы, в том числе и сохранившие свою продуктивность до нашего времени [63, 34].

Способность аффиксов глаголообразования сочетаться со словами разных частей речи соответствует естественному историческому стремлению языка к экономии средств. Происходит парадигматическое сжатие, при котором вертикальная языковая структура не наполняется дополнительными формантами. Казалось бы, что между валентностью аффиксов и их продуктивностью связь прямо пропорциональная. В действительности это не всегда так. Конечно же, с семивалентным аффиксом *-лан(-лен)* вряд ли может соперничать по продуктивности любой другой аффикс. Но иногда даже одновалентный аффикс оказывается продуктивней четырехвалентного аффикса. Например, с помощью одновалентного форманта *-там(-тет)* образовано 280 глаголов, в то время как четырехвалентный аффикс *-шайн(-шён)* в итоге дает всего 10 производных единиц.

Только определенная комбинация лексических и аффиксальных морфем приводит к возникновению именно данной языковой реалии, обуславливает ее семантический диапазон и

лексико-грамматические свойства. С другой стороны, конкретные словообразовательные процессы совместимы лишь с конкретной комбинаторной схемой. Например, в чувашском языке возможны комбинации *çинçел* "утончаться", *хурал* "чернеть", но невозможны слова типа *хитрел*, *тачкал*, хотя фонетические условия сочетаемости и в тех, и в других случаях одинаковы. Таким образом, комбинаторные семантические схемы в пределах отдельных лексических единиц уникальны. В подсистеме аффиксов глаголообразования выделяются единицы, значения которых одинаковы, но комбинаторные свойства различны. Тождество семантической функции формантов не определяет тождества их комбинаторного устройства. Наблюдается и обратная картина. Форманты со сходными сочетаемыми свойствами оказываются различными в семантическом плане. Так, имеются различия в семантической структуре следующих однокоренных образований с разными, но функционально тождественными формантами, ср.: *сарал* "желтеть, пожелтеть; попевать" – *сарăх* "желтеть, линять, вылинять; бледнеть (при нездоровье)"; *пăчалан* "становиться душным; задыхаться" – *пăчăх* "задыхаться; становится душным; преть, тлеть; перен. прозябать; перен. разг. киснуть, унывать, хандрить". Следовательно, существует обоюдная связь между структурой производного и его семантикой. Комбинаторная организация звуковой оболочки производного слова предопределена его семантикой, а производное с определенной семантической структурой может быть образовано только определенной комбинацией словообразовательных единиц.

Любая связь в языке предполагает существование определенных ограничений. Соединение исходного слова с формантом глаголообразования обуславливается возможностями комбинаторики на семантическом и фонетическом уровнях в отдельности. Так, возможные в семантическом отношении комбинации типа *тй* + *ём* → *тёвём*, *су* + *йм* → *савём* (ср., *савём* "надой") задерживаются фонетическими факторами.

Иногда одно и то же языковое содержание может передаваться различными словообразовательными комбинациями (ср., *илемлен* "становиться красивым" – *хитрелен* "становиться красивым", *вайлан* "становиться сильным" – *хаватлан* "становиться сильным"), что свидетельствует об отсутствии однозначной взаимосвязи между семантической и комбинаторной схемами в словообразовании. Семантическая схема производных допускает определенную степень свободы в отношении их комбинаторной схемы.

Сцепление фономорфологического и семантического спектров производящей базы с такими же спектрами дериватора происходит именно тогда, когда основа и формант выступают по отношению друг к другу в качестве среды, иначе говоря, как исходная основа является внутренним контекстом для форманта, в которой производящая база актуализирует и реализует свое значение.

Семантические ограничения сочетаемости морфем (как словообразовательных, так и словоизменяемых) состоят в том, что эти морфемы выступают в сочетании лишь с теми основами, которые имеют соответствующие семантические свойства. Как известно, не существует словообразовательных аффиксов, спо-

собных выступать в сочетании с любой основой. Соединение аффикса с мотивирующей основой возможно только тогда, когда они семантически совместимы.

Глаголообразующие форманты в сочетании со словами разных морфологических разрядов характеризуются неодинаковой продуктивностью. Например, аффикс *-ла(-ле)* очень продуктивен в сочетании с существительными и совсем непродуктивен в сочетании с именами числительными; *-лан(-лен)* от субстантивных и адъективных основ образовал наибольшее число глаголов, в то время как от числительных – всего несколько глаголов; посредством форманта *-лат(-лет)* больше всего глаголов образовано от имитативных основ и т. В системе глаголообразования чувашского языка имеются мультивалентные (*-лан(-лен)*, *-лат(-лет)*, *-ла(-ле)*, а также др.) и унивалентные (уникальные) форманты, встречающиеся в единичных морфосочетаниях (*-пӑн(-пӗн)*, *-пӑт(-пӗт)*, *-чӑн*, *-чӑт*, *-хан*, *-хат*).

С точки зрения налагаемых ограничений системой языка и нормативной кодификацией можно выделить следующие типы словообразовательной сочетаемости аффиксов со словами разных частей речи, регулярную, нерегулярную и нулевую. Причем разные аффиксы проявляют разную сочетаемость с разными основами. Например, *-лан(-лен)* регулярно сочетается с существительными, прилагательными, нерегулярна его сочетаемость с глаголами и вообще не сочетается с междометиями. У *-лат(-лет)* нулевая сочетаемость с числительными, но он очень регулярен в сочетании с имитативами и прилагательными. Такую характеристику по сочетаемостным свойст-

вам можно дать относительно всех аффиксов глаголообразования.

В языке, безусловно, имеются общие и частные закономерности словообразовательного синтеза, определять которые можно на основе анализа валентностных свойств словообразовательных единиц. При глубоком зондировании словообразовательной комбинаторики можно выявить закономерности совместной встречаемости и сочетаемости деривационных средств.

Грамматическая функция аффиксов глаголообразования

Сравнение производящего слова с производным показывает, что в словообразовательной оппозиции обязательно содержится приращение грамматического значения к лексическому. Следовательно, словообразование – это сфера создания производных конструкций, характеризующихся не только определенными лексико-семантическими свойствами, но и соответствующими грамматическими признаками. Деривационный формант привносит в производную основу не только семантическую, но и грамматическую информацию, которая определяет грамматическое поведение производного.

Формантам свойственна воспроизводимость грамматических свойств уже существующих в языке слов. Форманты могут быть компонентами разных словообразовательных моделей. При этом они сочетаются со словами разных лексико-грамматических классов. Но это не влияет на предзаданность грамматических свойств производимых слов с теми или иными формантами. Разъясним сказанное на примерах. Напри-

мер, в чувашском языке аффикс *-лан(-лен)*, участвуя в образовании глаголов, примыкает к словам разных частей речи, ср.: *пуслан* "колоситься", (*пуç* "голова"), *симёслен* "становиться зеленым" (*симёс* "зеленый"), *пӑчлан* "исчезать, пропадать" (*пӑч* "совершенно, совсем"), *иккӗлен* "сомневаться" (*иккӗ* "два"), *хӑпартлан* "воодушевляться" (*хӑпарт* "возвышать, взносить").

Грамматическая функция аффиксов, т.е. функция индикации частеречной принадлежности созданных при их помощи слов, является наиболее консервативной и направлена на поддержание существующей системы частей речи. Именно эта функция формантов призвана обеспечивать связь словообразовательной системы языка с его грамматическим строем. Неизменность, постоянство словообразовательных средств обусловлена их воспроизводимостью грамматических свойств существующих в языке слов. Деривационным морфемам присуща, во-первых, универсальность категории, в рамках которой они функционируют, во-вторых, регулярная воспроизводимость этой категории. Объединяющим фактором всех аффиксов глаголообразования является то, что они передают значение действия, процесса, движения.

В определенной системе можно говорить о дуализме словообразования, который вытекает из его связи с двоякой содержательной природой слова как единицы лексической^{3*} и как единицы грамматической. В результате деривационных процессов порождаются слова, являющиеся одновременно лексическими и грамматическими единицами. Как лексические единицы они уже по исходному условию нужны для называния реалий действительности, т.е. для выполнения номинативных потребностей.

При этом совершенно не требуется, чтобы они обладали не существующими до этого грамматическими признаками. Грамматические свойства порождающих слов воспроизводят грамматические свойства уже имеющихся в языке слов.

Аффиксы глаголообразования чувашского языка не всегда четко и ясно выполняют функции индикации частеречной принадлежности слова. В результате некоторые производные глаголы формально совпадают с именными основами, ср.: *вёчĕх* "злиться" – *вёчĕх* "злой", *ăнăç* "удаваться" – *ăнăç* "удача", *найкăш* "ныть" – *найкăш* "пискля", *аскăн* "распутничать" – *аскăн* "распутный", *ялтăра* "блестеть" – *ялтăра* "светлый", *найка* "ныть" – *найка* "нытик", *пулăш* "помогать" – *пулăш* "помощь" и т.д. Вне контекста трудно определить принадлежность омонимичных вторичных конструкций к глагольной или к именной основе. Это – результат былой слабой дифференцированности имени и глагола в тюркских и не только тюркских языках. Аналогичное явление можно наблюдать, в частности, и на материале словообразования уральских языков. Так, Й. Дьерке и Т. Лехтисало в своих фундаментальных исследованиях показали совпадение по звуковому составу значительного количества именных и глагольных словообразовательных суффиксов. По данным Т. Лехтисало, из 18 древнеуральских суффиксов 14 использовались в словообразовании как имен, так и глаголов. Совпадение звукового состава отдельных суффиксов в этих языках может быть и случайным, но едва ли можно объяснить случайностью формальное совпадение почти всех суффиксов.

Вслед за Г. Вамбери, П. М. Мелиоранским, Э. В. Севортяном, А. Т. Кайдаровым, В. Г. Егоровым многие тюркологи приходят к выводу, что в древности разделение корней с аффиксами и без аффиксов в тюркских языках не было так строго проведено как теперь. Схождение корней и основ глагола и имени тюркологи связывают с недифференцированностью имен и глаголов на начальных этапах развития языка. В настоящее время считается бесспорным, что синкретизм (выражение одной и той же формой одновременно значения имени и соответствующее ему значение глагола) составляет одну из характерных особенностей тюркских языков.

Синкретизм, а отсюда и глагольно-именная омонимия встречается не только в тюркских языках и не только в системе отглагольных глаголов и отглагольных имен. Так, специалист коми языка Г. В. Федунева пишет: "Очевидно, способность некоторых формантов участвовать в образовании отглагольных субстантивов и инфинитивных глагольных форм (причастий, деепричастий, инфинитивов) является типологической чертой финно-угорских языков, поскольку почти во всех них можно обнаружить множество примеров на формальное совпадение этих категорий, хотя соотношение их в разных языках (и группах языков) различно" [75, 94].

В кабардино-черкесском языке от основ глаголов с суффиксом *-н* образуются имена существительные, омонимичные с инфинитивом этих же основ. К таким лексико-грамматическим омонимам относятся: *шхын* "есть, кушать" и *шхын* "пища". Арменисты говорят об эквивалентности отглагольных существительных с инфинитивом, проявляющейся в

том, что в случае отсутствия в языке соответствующего отглагольного имени, инфинитив употребляется в значении имени. Синкретичные корни и основы выявлены и описаны в таких тунгусо-маньчжурских языках, как эскимосский, эвенкийский, нанайский. В древнеиндийских языках также наблюдается диффузность глагольных и именных основ.

Таким образом, совпадение глагольных и именных основ, отсутствие между ними фономорфологических различий является характерной чертой многих языков.

Проблемы синкретизма корней и основ тесно связана и с проблемой тюркского аффиксального словообразования. Как пишет А. Т. Кайдаров, корень слова, будучи простейшим, но основным и существенным элементом языка, также древен, как древен сам язык, и без него невозможно представить генетическое родство, в частности, современных тюркских языков, гомогенность основного лексического фонда, на котором зиждется грамматический строй каждого из языков и многовековой процесс словотворчества" [35, 9]. Полные, системные описания синкретизма в конкретных тюркских языках, несомненно, расширят возможности сравнительно-исторического изучения тюркских языков и, конечно же, позволят осветить многие спорные теоретические и практические вопросы как тюркологии в целом, так и лингвистики отдельных тюркских языков.

Итак, синкретизм тюркских языков признан объективным лингвистическим явлением. Лексико-грамматический синкретизм первичных основ был унаследован и производными от них единицами, иначе как объяснить идентичность некоторых

глаголообразующих и имяобразующих аффиксов. "Именно грамматический синкретизм имени и глагола, — пишет Е. З. Кажибеков, — позволяет достаточно убедительно интерпретировать "парадоксальные" моменты в тюркском словообразовании, когда один и тот же показатель образует от одного и того же корня сто глаголов, то имя вследствие того, что конкретные аффиксы используются в полярных значениях в зависимости от частеречной принадлежности корневой морфемы" [34, 92]. По словам В. Л. Котвича, на самых ранних этапах развития языков "полной и окончательной дифференциации ни корней или основ, ни самих суффиксов еще не существовало. В зависимости от назначения корни и суффиксы могли нести как именное, так и глагольное значение; впрочем, постепенно такие явления становились все более редкими и во вновь нарождавшихся суффиксах проявлялась большая тенденция к разграничению. То же самое происходило и на последующих стадиях словообразования" [39, 66]. Приводимые ниже примеры чувашского языка говорят о том, что аффиксы словообразования в омонимичных глагольно-именных основах являются синкретичными, ср.: *çătăх* "жадничать" — *çătăх* "жадный", *ускăн* "пляться" — *ускăн* "пляющийся", *пиçĕх* "закаляться" — *пиçĕх* "закаленный" и т.д.

Итоговый вывод заключается в следующем. Не все аффиксы глаголообразования четко и ясно выполняют функцию показателя частеречной принадлежности дериватов. Это предопределено грамматическим синкретизмом имен и глаголов, наиболее полно проявившимся на ранних этапах развития тюркских языков и постепенно угасающим на современном этапе. Как показывают исследования последних лет, именно

синкретичные корни породили синкретичные же основы. Вопрос о диффузном характере дериватов с синкретичными аффиксами должен быть поставлен намного шире и основательнее. Это – предмет специальных исследований. Мы же ограничимся структурной классификацией таких основ, из чего вытекает и диффузность конкретных словообразующих формантов.

Приведем примеры совпавших глагольных и именных дериватов в чувашском языке: *ăнăç* "удаваться" – *ăнăç* "удача", *кăнăç* "успокаиваться" – *кăнăç* "покой"; *ёнĕх* "опалить" – *ёнĕх* "опаленный", *иртĕх* "наглеть" – *иртĕх* "наглец"; *аскăн* "распутничать" – *аскăн* "распутный", *çиçкĕн* "хвастать" – *çиçкĕн* "хвастун"; *пĕлĕш* "знакомиться" – *пĕлĕш* "знакомец", *савăш* "любоваться" – *савăш* "любовный" и т.д.

Говоря словами Е. З. Кажобекова, "следы синкретизма частей речи в тюркских языках иногда обнаруживаются и в грамматической сфере – глагольно-именной омонимии дериватов или образующих их аффиксов. Однако в интерпретации последнего явления нужно быть чрезвычайно осторожным, так как здесь возможны случайные совпадения глагольных и именных производных образований (или их аффиксов)" [34, 244].

Рассмотренный нами случай наглядно свидетельствует о том, что различные уровни языка (в нашем примере словообразование и грамматика) связаны между собой так тесно, что, рассматривая один из них, нельзя не обращать на его пересечения с другими уровнями, да еще под различным углом. Слабая морфологическая оформленность основ в чувашском языке привела к появлению идентичных по формальным признакам производных единиц, которые семантически близко свя-

заны, но на современном этапе развития парадигматических и синтагматических отношений чувашского языка находятся в омонимических связях.

В каждом производном наблюдается сочетание словообразовательных и грамматических признаков. Словообразование и грамматика развиваются, взаимообуславливая друг друга. Свидетельством тому является, в частности, следующее явление. Словообразовательные же аффиксы участвуют в дифференциации глагольно-именных омонимов, выступая решающим фактором нейтрализации лексико-грамматического синкретизма. Нельзя не заметить процесс деомонимизации, при котором один из членов совпавшей глагольно-именной пары присоединяет к себе деривационный формант и выходит из ряда глагольно-именных омонимов. Например, в чувашском языке к основе с глагольным значением присоединяется аффикс *-у(-й)*, безвозвратно транспонируя синкретичную основу в класс имен. Прибавление аффикса не приносит в транспонированное слово дополнительных значений, а лишь формально разграничивает глагольные и именные основы. Ср.: *пулайш* "помогать" – *пулайш* "помощь" и *пулайшу* "помощь"; *курнайç* "видеться" – *курнайç* "свидание" и *курнайсу* "свидание"; *айнаç* "удаваться" – *айнаç* "удача" и *айнасу* "удача".

Транспонирующая функция аффиксов глаголообразования

Одна из функций словообразовательных формантов в соединении с производящей состоит в синтаксической транспозиции, т.е. в переводе слова из одного лексико-

грамматического класса в другой с иными синтаксическими сочетаемостными возможностями, ср.: *туй* "чувствовать" → *туйм* "чувство", *хатёр* "готовый; готово" → *хатёрле* "приготовить", *иккё* "два" → *иккёлен* "сомневаться". В результате транспозиции на лексическое и деривационное значение производной единицы наслаивается лексико-грамматическое значение соответствующей части речи, которое обуславливает включение данной единицы в соответствующую грамматическую парадигму. Грамматические свойства производных определяются аффиксами, посредством которых они образованы.

Таким образом, словообразовательный уровень – это уровень порождения вторичных лексических единиц, структурные и семантические свойства которых предсказуемы. Все действие деривационного механизма направлено на производство слов, принадлежащих к основным частям речи. Наблюдения над всем массивом производной лексики показывают, что из всех возможных внутри- и межкатегориальных деривационных отношений чувашский язык допускает лишь следующие: 1) существительное → существительное; 2) существительное → глагол; 3) существительное → прилагательное; 4) существительное → наречие; 5) глагол → глагол; 6) глагол → существительное; 7) глагол → прилагательное; 8) глагол → наречие; 9) прилагательное → прилагательное; 10) прилагательное → существительное; 11) прилагательное → глагол; 12) прилагательное → наречие; 13) числительное → существительное; 14) числительное → глагол; 15) числительное → наречие; 16) наречие → существительное; 17) наречие → глагол; 18) местоимение → существительное; 19) местоимение → прилагательное; 20) имита-

тив → существительное; 21) имитатив → глагол; 22) имитатив → прилагательное; 23) междометие → глагол.

Не все эти отношения носят регулярный характер. Наименее регулярны отношения типа *числительное* → *глагол*, *местоимение* → *прилагательное*, *местоимение* → *существительное*, *имитатив* → *существительное* и некоторые другие.

По соотношению частеречной характеристики производных и производящих основ различают транспозиционное (межкатегориальное) и нетранспозиционное (внутрикатегориальное) словообразование. Модели отыменного глаголообразования и отглагольного имяобразования, а также некоторые другие обслуживают межкатегориальное словопроизводство, поддерживая тем самым деривационные отношения между разными лексико-грамматическими классами слов. Отношения эти бывают регулярные и нерегулярные, многоканальные и одноканальные, однонаправленные и двунаправленные (взаимонаправленные). Безусловно, существует различие в транспонируемости слов разных частей речи. Например, в чувашском языке наиболее регулярный характер носит транспонирование глаголов в имена и наоборот.

В системе глагольного словопроизводства чувашского языка выделяются два вида деривации – внутрикатегориальная (образование слов, относящихся к той же части речи, что и их производящие) и межкатегориальная (образование слов, относящихся к иной части речи, чем их производящие).

Рассмотрим некоторые типы транспозиционного глагольного словообразования в чувашском языке.

Транспозиция типа *существительное* → *глагол*: *пумър* "гнет" – *пумърла* "угнетать; подавлять"; *ланкашка* "яма; рытвина" – *ланкашкалан* "покрываться ямками, ухабами, рытвинами"; *кѣтес* «угол» – *кѣтеслет* "делать, образовывать угол, вышивать уголками"; *тус* "друг" – *туслаш* "подружиться"; *шыв* "вода" – *шйвар* "поливать, поить"; *тѣшѣ* "зерно, ядро, сердцевина" – *тѣшѣр* "мять, топтать, травить"; *тѣм* "бугорок" – *тѣмел* "бугриться, преращаться в бугор, холм".

Транспозиция типа *прилагательное* → *глагол*: *йӓплака* "скользящий" – *йӓплакала* "делать скользящим"; *авмак* "изогнутый" – *авмаклан* "становиться изогнутым"; *ансър* "узкий" – *ансърлат* "сужать, делать более узким"; *нӓрѣ* "сырой, сыро" – *нӓрел* "становиться влажным, сыреть"; *сӓхӓ* "жадный" – *сӓхӓн* "жадничать, быть жадным"; *сӓра* "густой" – *сӓрат* "сгущать".

Транспозиция типа *имитатив* → *глагол*: *сѣр* "подражание жужжанию" – *сѣрле* "жужжать, ворчать, бормотать"; *сѣлпѣр* "подражание об изнеможении" – *сѣлпѣрлен* "приходить в изнеможение, изнемогать"; *пӓнт* «подражание дзиньканию» – *пӓнтлат* "дзинькать; обрываться со звоном (о струне)"; *кӓпӓр* "подражанию разбиванию, стуку" – *кӓпӓртат* "стучать, постукивать"; *лач* "подражанию причмокиванию" – *лачка* "чмокать, причмокивать".

Транспозиция типа *числительное* → *глагол*: *иккѣ* "два" – *иккѣле* "двоить, раздваивать"; *вицсѣ* "три" – *вицсѣлен* "троиться, разделяться на три"; *пѣр* "один" – *пѣрлеш* "объединяться, соединяться, сплачиваться".

Транспозития типа *междометие* → глагол: эй "ой" – эй-лет "ойкать"; хаҫ "возглас, которым погоняют свиней" – хаҫлат "гнать свиней возгласом "хаҫ".

Транспозиция типа *местоимение* → глагол: урӑх "другой, иной" – урӑхлан "стать другим, иным"; пӗтӗм "весь, вся" – пӗтӗмлет "обобщать".

Приведенный выше материал показывает, что глагол в чувашском языке подвергается воздействию имен существительных, прилагательных, числительных, имитативов и реже – местоимений, ибо все больше и больше становится в языке глагольных основ, образованных от слов названных частей речи. Образование глаголов от других частей речи и наоборот, обусловленное взаимонаправленной межчастеречной деривацией, является характерной чертой чувашского языка.

Транспонирующая функция глагольных аффиксов, естественно, связана не только с грамматическим, но и семантическим сдвигом, поскольку направлена она на производство новой языковой единицы. Поэтому функция транспозиции связана с другой, модифицирующей (семантической) функцией аффикса.

В межкатегориальном словообразовании происходит переход понятия из одной части речи в другую, что осуществляется с помощью транспонирующих форматов. Материалы глаголообразования показывают, что транспозиция понятия характеризуется определенной направленностью и ее любое понятие способно получать различную частеречную материализацию. Межкатегориальное словообразование, на наш взгляд, является следствием наиболее общей тенденции развития языка, а имен-

но – разноаспектного взаимодействия частей речи – по значениям, по функции, по форме.

В межкатегориальной деривации проявляются связи между частями речи в языке и глубина взаимодействия между ними. Статистические данные в этом отношении выглядят следующим образом: от существительных образовано 1570 глаголов, что составляет 30,4 % от общего числа производных вербальных основ; от прилагательных произведено 820 глаголов, что составляет 15,8 %; от имитативов образовано 700 единиц, что равно 13 %; основ, образованных от числительных, всего 4 (0,07 %); основ, возникших из междометий, насчитывается 11 (0,21 %); от наречий создано 19 глаголов (0,34 %) (в картотеке автора 5170 слов).

Подсистема аффиксов глаголообразования чувашского языка характеризуется следующими особенностями. Часть аффиксов является только межкатегориальной, другая – только внутрикатегориальной, третья группа представлена внутрикатегориально-межкатегориальными аффиксами, производящими глаголы как от глаголов, так и от других частей речи. К межкатегориальным, например, относятся следующие аффиксы: *-лат(-лет)*, *-тат(-тет)*, *-лаш(-леш)* и др. Внутрикатегориальными являются аффиксы: *-аш(-еш)*, *-мăш(-мĕш)*, *-ăç(-ĕç, ç)* и др. В число межкатегориально-внутрикатегориальных формантов входят: *-ар(-ер)*, *-ăл(-ĕл)* *-та(-те)* и др.

Статистические данные свидетельствуют о том, что наибольшей трансформируемостью в глагол обладают существительные, а наименьшей – числительные, местоимения, междометия. В системе глаголообразования чувашского языка бо-

лее всего регулярны словообразовательные отношения между словами одной части речи т.е. глагола. Об этом свидетельствует доля производных отглагольных глаголов в общей системе вторичных вербальных основ.

Семантическая функция аффиксов глаголообразования

В семантическом плане словообразовательные морфемы существенно отличаются от словоизменятельных. Вместе с производящей основой они формируют семантическую структуру производного слова и являются его неотъемлемой частью. Об этом свидетельствует тот простой и известный всем факт, что изъятие форманта из структуры производного приводит к его уничтожению, так как остающаяся часть представляет совершенно иную семантическую единицу, ср.: *евёр* "образ, подобие" и *евёрле* "подражать", *ёнен* "верить" и *ёнентер* "убеждать", *ёсле* "работать" и *ёслеттер* "заставить работать", *ёф* "подражание дуновению" и *ёфлет* "фукнуть, дунуть".

Подтверждением этому является и следующее обстоятельство. Классифицируя существительные по семантическому признаку, исследователи разных языков опираются в основном на словообразовательные понятия – имена орудия, действия, носителя признака и т.д., выделенные на основе определенных аффиксов. Семантическая функция аффикса, реализующая в контексте значения мотивирующей основы, заключается в формировании новой лексемы, т.е. в структурно-семантическом преобразовании имеющейся языковой единицы. Реализуя данную функцию, аффикс способствует оформлению и закреплению семантической структуры производного, внося его в определен-

ный лексико-семантической разряд слов. Словообразовательный формант в этой функции выступает как классифицирующий элемент, относящий производный комплекс к тем или иным классам слов, сходных в формально-семантическом плане. Семантическая функция форманта исходит из его традиционной связи с языковыми и неязыковыми понятиями, в этой функции отражен многотысячелетний опыт носителей языка познавать окружающую реальную действительность, их умение классифицировать различные понятия. Именно эта функция форманта теснее всего связана с развитием человеческого мышления и спецификой языка в наречии мира.

Любая производная единица является результатом деривационного процесса, в ходе которого мотивирующая основа реализовала свойственные ей семантические и комбинаторные возможности, а формант оформил новую основу грамматически, соотнося ее со словами определенного лексико-грамматического класса. Понятно, что в оформлении смысловой структуры производного принимает участие наряду с мотивирующей основой и словообразовательный формат. Поэтому, выполняя грамматическую функцию, аффикс одновременно выполняет и функцию семантическую. В целях адекватного материала целесообразно рассматривать эти две функции отдельно.

Как не существует деривативных показателей, выражающих значение имени вообще (возможны лишь отдельные значения существительных), так и не существует деривативных показателей, выражающих глагольность вообще. Каждый глагольный аффикс обладает присущими ему типичными значениями. Состояние глагольной деривации в определенный период развития

языка характеризуется совокупностью всех значений глаголообразующих форм, выявить которую весьма трудно.

Наблюдения над материалом глаголообразования чувашского языка показывают, что в деривации отношения между формой (структурной деривационной моделью) и содержанием (деривационным значением этой модели) асимметричны, одной модели может соответствовать несколько значений, и, наоборот, одно и то же значение часто выражается разными моделями (см. раздел о словообразовательных значениях глагола). План содержания и план выражения в деривации системны и сравнительно легко выделяемы. Не составляет большого труда систематизация элементов плана выражения. Для этого необходимо лишь выявить все структурные деривационные модели в разных подсистемах словообразования. Намного сложнее выделить и систематизировать элементы плана содержания.

Форманты глаголообразования, будучи составной частью производного, обладают классифицирующим, но не более обобщенным значением, чем, например, аффиксы имяобразования. Значение форманта устанавливается тем же путем, что и значение лексических единиц – от контекстных значений к значению в системе. При этом нельзя исходить из внешнего контекста, как это предлагают некоторые исследователи, а необходимо исходить из внутреннего контекста, понимая под ним значение мотивирующей основы.

Менее обобщенное классифицирующее значение аффиксов именного словообразования и более обобщенное значение глагольных аффиксов предопределено тем, что существительные

более четко распределены по лексико-семантическим группам, чего нельзя сказать относительно глаголов. Один и тот же аффикс может образовать глаголы с разными деривационными значениями, ср. *шъртлан I* "щегениться, покрываться щетиной" от *шърт I* "щетина"; *шъртлан II* "злиться, сердиться, раздражаться" от *шърт II* "гнев, злость"; *тирпейлен* "становиться чистым, становится уютным", *тёшёлен* "лушиться, очищаться от шелухи, скорлупы" от *тёшё* "зерно, ядро".

Деривационное значение формируется на основе абстрактных семантических элементов форманта и более конкретного значения производящей основы. Это легко проследить на материале однокоренных образований с разными аффиксами и разнокоренных образований с одним и тем же аффиксом, ср. *нёрлен* "становиться красивым" – *нёрлё* "красивый" – *нёрсёр* "уродливый" и *пицёк* "воспаленный" – *татък* "кусочек, отрез" – *путък* "впадина".

Семантика деривационных морфем – это их внутренняя структура, не оформленная полностью и не совпадающая с тем понятием семантики, которое сложилось с опорой на значения лексических единиц – слов. Значение деривационной морфемы – это общее содержание, доводимое до конкретного смысла в сочетании с лексическими основами. Для этого, чтобы понять семантическую природу аффиксов глаголообразования, необходимо рассмотреть всю совокупность их семантических контекстов. Можно выявить все возможные значения формантов глаголообразования, подробно описывая семантические группы содержащих эти форманты слов. В этом деле, как нам кажется, не желательны как чрезмерное дробление семантических групп,

так и группировка большого массива производных под одной семантической рубрикой. Нужно сделать так, чтобы, с одной стороны, были объяснены деривационные механизмы языка, а с другой – число значений формантов было относительно невелико. Это довольно трудная задача и требует специальных исследований. В данной же работе мы рассмотрим лишь некоторые аспекты проблемы семантического функционирования аффиксов глаголообразования в чувашском языке.

На материале образований с *-ла(-ле)* попытаемся показать семантическую сущность данного форманта. Этот аффикс, как и многие другие форманты, будучи классифицирующим компонентом структуры производного, вроде бы должен обладать и постоянным классифицирующим значением. Он же, например, имеет более общее значение и слова, образованные его посредством, распределяются по разным семантическим группам. Иногда даже трудно определить, к какой семантической группе относится слово с данным формативом.

Глаголы со значением "превратить что-либо в то, что названо мотивирующей основой": *купала* "сделать кучу", *ула́мла* "превращать снопы в солому".

Глаголы со значением "образовать предмет, названный мотивирующей основой": *пёвеле* "прудить, запруживать", *пурала* "срубить сруб".

Глаголы со значением "действовать орудием, средством, названным мотивирующей основой": *са́нчёрла* "ставить на цепь", *хырка́чла* "скребать".

Глаголы со значением "наделять качеством, указанным мотивирующей основой": *нёрсёрле* "делать безобразным", *тёттёмле* "затемнять".

Глаголы со значением "производить звуки, выраженные мотивирующей основой": *какала* "гоготать", *ка́йла* "квохтать", *кукла* "куковать".

Глаголы со значением "удалять, отделять предмет, выраженный мотивирующей основой": *сумла* "полоть, вести прополку", *хёрймла* "очистить от сажи".

Глаголы со значением "смешать, пропитать тем, что названо мотивирующей основой": *сула* "маслить", *пылла* "подслащивать", *таварла* "солить".

Глаголы со значением "наделять, снабжать тем, что названо мотивирующей основой": *ункала* "кольцевать, снабжать кольцом", *ка́шлла* "надевать обруч".

Глаголы со значением "провести время, обозначенное мотивирующей основой": *кунла* "проводить день", *сёрле* "ночевать, проводить ночь".

В чувашском языке можно указать примерно 18-20 семантических групп производных глаголов с аффиксом -ла (-ле).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль аффиксального словообразования в обогащении лексики любого языка трудно переоценить. Данная область деривации, как и все другие, обслуживая словарь, принадлежит словообразовательному ярусу языка, а не морфологии, как это принято считать в традиционных исследованиях тюркского словообразования.

В чувашском языке одни и те же аффиксы могут являться структурными элементами разных моделей, вследствие чего количество моделей словообразования превышает количество словообразующих формантов.

Производящими основами в рассматриваемых языках могут быть слова всех знаменательных частей речи и междометия. Наиболее производительными являются существительные, глаголы, прилагательные, имитативы. Немногочисленны производные, образованные от междометий, наречий и числительных.

Подавляющее большинство производных слов состоит из двух морфем. Язык структурно организован так, что в нем из конечного числа элементов строится беспредельное количество комбинаций. Каждая комбинация имеет формальное завершение, причем большинство завершенных форм является исходной базой для последующих деривационных комбинаций.

Семантическая соотносительность производных и производящих основ, хотя иногда и проявляется по-разному, все же подлежит типизации. Выявлены следующие типы семантической корреляции исходных и результативных единиц: а) про-

изводные образуются от одного значения мотивирующей основы, б) производные перенимают все значения мотивирующих основ, в) производные слова образуются от переносных значений мотивирующих основ, г) производные слова развивают дополнительные значения.

Иногда значение производящих и производных могут быть очень близкими, что приводит к синонимии производящих и производных основ. В системе производной лексики выделяются такие структурные типы семантически близких образований: а) синонимы, образованные от разных основ посредством одного и того же аффикса, б) синонимы, образованные от разных основ посредством разных аффиксов, в) синонимы, образованные от одной основы посредством разных аффиксов.

Анализ словообразовательной сочетаемости, проведенный в направлении от формантов к мотивирующей основе, показал, что в системе аффиксального словообразования отсутствует строгая прикрепленность аффиксов к определенной части речи, следствием чего является не строгая регламентация их семантической наполняемости. Способность аффиксов словообразования сочетаться со словами разных частей речи соответствует историческому стремлению языка к экономии средств. Происходит парадигматическое сжатие, при котором вертикальная языковая структура не наполняется дополнительными формантами. Связь между валентностью и продуктивностью не у всех аффиксов прямо пропорциональна.

Многозначность словообразующих морфем ведет к тому, что посредством одного аффикса образуются слова разных словооб-

разовательных значений, а это обуславливает отсутствие четких границ между словами с разной ономаσιологической структурой.

Вариативность, зависимость значения аффикса от внутреннего контекста является стержневым моментом аффиксальной деривации, которая, создавая на базе уже существующего лексического фонда посредством определенного количества формантов множество слов, демонстрирует значительную языковую экономию. Эта экономия в большей степени достигается семантическими свойствами аффиксов чувашского языка.

Изложенный в данной работе материал во многом способствует целостному всестороннему представлению системы глаголообразования чувашского языка, но, конечно же, не исчерпывает всех проблем данной области деривации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андреев, В. В.* Вопросы теории чувашского словообразования / В. В. Андреев. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2006. – 101 с.
2. *Андреев, В. В.* Межуровневые связи словообразования / В. В. Андреев // Исследования по филологии, педагогике, журналистике : сб. ст. – Чебоксары, 2010. – 3-7 с.
3. *Андреев, В. В.* Отглагольное именное словообразование в чувашском языке / В. В. Андреев. – Чебоксары : Чуваш. гос ун-т, 1987. – 176 с.
4. *Андреев, В. В.* Теоретические и прикладные аспекты чувашского словообразования / В. В. Андреев. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2007. – 203 с.
5. *Андреева, Е. А.* Семантические явления в производной лексике чувашского языка / Е. А. Андреева // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации : сб. науч. трудов. – Казань : КГУ, 2009. – С. 19-23.
6. *Андреева, Е. А.* Продуктивные модели аффиксального глаголообразования в чувашском и турецком языках / Е. А. Андреева // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические : сб. науч. статей : в 3 ч. Ч 3. – Чебоксары : ЧГИГН, 2011. – С. 13-16.
7. *Андреева, Е. А.* Чӑгӑш чӑлхинчи глаголсен сӑмах пулу йӑвисем / Е. А. Андреева // Народная школа. – 2011. – № 4. – С. 32-34.
8. *Андреева, Е. А.* Ономаσιологический аспект словообразования и вопросы обучения лексике чувашского языка / Е. А. Андреева // Актуальные проблемы развития националь-

ных языков и культур народов Среднего Поволжья и Приуралья : сб. науч. статей. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 6-9.

9. *Андреев, И. А.* Чувашский язык / И. А. Андреев // Языки народов СССР: тюркские языки. – М. : Наука, 1966. – Т. 2. – С. 43-65.

10. *Андреев, Н. А.* Аффиксы чувашского языка / Н. А. Андреев // Труды ЧНИИ. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1952. – Вып. 6. – С. 166-195.

11. *Антонов, Н. К.* Именное словообразование в якутском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. К. Антонов. – Л. : 1951. – 251 с.

12. *Арутюнова, Н. Д.* О понятии системы словообразования / Н. Д. Арутюнова // Филологические науки. – 1960. – № 2. – С. 24-31.

13. *Ашмарин, Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Фонетика и морфология / Н. И. Ашмарин. – Казань : Типо-литография Казанск. ун-та, 1898. – 410 с.

14. *Ашмарин, Н. И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Изд-во Академического центра ТНКИ, 1928. – 160 с.

15. *Баскаков, Н. А.* Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Части речи и словообразование / Н. А. Баскаков. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 544 с.

16. *Баскаков, Н. А.* Ногайский язык и его диалекты / Н. А. Баскаков. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 240 с.

17. *Бондарко, А. В.* Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 115 с.

18. *Винокур, Г. О.* Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // *Избранные работы по русскому языку.* – М. : Наука, 1959. – С. 419-442.

19. *Ганиев, Ф. А.* О семантической грамматике тюркских языков. В порядке постановки проблемы / Ф. А. Ганиев // *Советская тюркология.* – 1981. – № 4. – С. 27-31.

20. *Ганиев, Ф. А.* Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке // Ф. А. Ганиев. – Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1976. – 108 с.

21. *Головин, Б. Н.* Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1977. – 311 с.

22. *Горшков, А. Е.* Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики / А. Е. Горшков. – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1963. – 214 с.

23. *Грамматика* азербайджанского языка. Фонетика, морфология и синтаксис. – Баку : Изд-во ЭЛМ, 1971. – 412 с.

24. *Грамматика* карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. – Нальчик : Эльбрус, 1976. – 572 с.

25. *Грамматика* ногайского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1973. – 320 с.

26. *Грамматика* хакасского языка. – М. : Наука, 1975. – 416 с.

27. *Дмитриев, Н. К.* Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

28. *Дыренкова, Н.* Грамматика шорского языка / Н. Дыренкова. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 307 с.

29. *Егоров, В. Г.* Глагол / В. Г. Егоров // *Материалы по грамматике современного чувашского языка*. – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1957. – С. 151-240.
30. *Земская, Е. А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
31. *Иванова, А. М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании. Типолого-контрастивный аспект / А. М. Иванова. – Чебоксары, 2011. – 307 с.
32. *Исенгалиева, В. А.* Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка / В. А. Исенгалиева. – Алма-Ата : Наука, 1966. – 245 с.
33. *Исхаков, Ф. Г.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Ф. Г. Исхаков, А. Пальмбах. – М. : Изд-во восточной лит-ры, 1961. – 472 с.
34. *Кажибеков, Е. З.* Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках : Явление синкретизма / Е. З. Кажибеков. – Алма-Ата : Наука, 1986.- 272 с.
35. *Кайдаров, А. Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке / А. Т. Кайдаров. – Алма-Ата : Наука, 1986. – 328 с.
36. *Ковалик, И. И.* Некоторые вопросы славянского словообразования / И. И. Ковалик // *Материалы дискуссии. IV Международного съезда славистов*. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 118-119.
37. *Кононов, А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка / А. Н. Кононов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

38. Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 312 с.

39. Котвич, В. Исследования по алтайским языкам / В. Котвич. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 371 с.

40. Левитская, Л. С. Историческая морфология чувашского языка / Л. С. Левитская. – М. : Наука, 1976. – 205 с.

41. Левковская, К. А. Словообразование. Материалы к курсам языкознания / К. А. Левковская. – М. : Изд-во МГУ, 1954. – 35 с.

42. Лопатин, В. В. Словообразовательный тип и способы словообразования / В. В. Лопатин, И. Улуханов // Русский язык в национальной школе. – 1969. – № 6. – С. 4-13.

43. Майтинская, К. Е. К вопросу о роли словообразования в развитии частей речи / К. Е. Майтинская // Вопросы теории частей речи : На материале языков различных типов. – Л. : Наука, 1968. – С. 259-267.

44. Максимов, В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке / В. И. Максимов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 224 с.

45. Малеева, М. С. Проблема словообразовательной модели в современной лингвистике / М. С. Малеева // Труды Курского пединститута. – 1974. – Т. 21. – С. 76-93.

46. Манучарян, Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения : дис. д-ра филол. наук. – Ереван, 1975. – 421 с.

47. Манучарян, Р. С. Словообразовательное значение и формы в русском и армянском языках / Р. С. Манучарян. – Ереван : Луйс, 1981. – 314 с.

48. *Матвеев, Т. М.* Грамматика чувашского языка. Морфология / Т. М. Матвеев. – Симбирск : Типо-литография Губсовнархоз № 2, 1919. – 124 с.

49. *Мусаев, К. М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология / К. М. Мусаев. – М. : Наука, 1964. – 344 с.

50. *Насилов, В. М.* Грамматика уйгурского языка / В. М. Насилов. – М. : Изд-во Московского ин-та востоковедения, 1940. – 151 с.

51. *Никольский, Н. В.* Конспект по грамматике чувашского языка / Н. В. Никольский. – Казань : Типо-литография ун-та, 1919. – 16 с.

52. *Орлова, А. П.* Глаголы с аффиксом -лан(-лен) в чувашском языке / А. П. Орлова // *Чувашский язык/ Труды ЧНИИ.* – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1976. – Вып. 66. – С. 149-158.

53. *Орлова, А. П.* Непродуктивные типы глаголообразования в чувашском языке / А. П. Орлова // *Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка.* – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1981. – С. 38-43.

54. *Орлова, А. П.* Образование глаголов с помощью аффикса -ла (-ле) / А. П. Орлова // *Чувашский язык и литература / Труды ЧНИИ.* – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1975. – Вып. 59. – С. 123-139.

55. *Орлова, А. П.* Образование глагольв с помощью аффиксов -лаш(-леш) и -лат(-лет) в чувашском языке / А. П. Орлова // *Чувашский язык, литература и фольклор / Труды ЧНИИ.* – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1976. – Вып. 67. – С. 73-81.

56. Орлова, А. П. Словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения / А. П. Орлова // Чувашский язык, литература и фольклор/ Труды ЧНИИ. – Чебоксары : Чувашск. кн. изд-во, 1973. – Вып. 2. – С. 167-204.

57. Орузбаева, Б. О. Словообразование в киргизском языке / Б. О. Орузбаева. – Фрунзе : Илим, 1964. – 308 с.

58. Павлов, И. П. Современный чувашский литературный язык / И. П. Павлов. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1965. – 342 с.

59. Распопов, И. П. Методология и методы лингвистических исследований / И. П. Распопов. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1976. – 110 с.

60. Рассадин, В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В. И. Рассадин. – М. : Наука, 1978. – 287 с.

61. Русский язык. Энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 431 с.

62. Сабитова, И. И. Словообразовательная характеристика лексики татарского языка : Компьютерно-лингвографический аспект / И. И. Сабитова. – Казань : Фикер, 2002. – 144 с.

63. Севортян, Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке / Э. В. Севортян. – М. : Изд-во Восточной литературы, 1962. – 642 с.

64. Севортян, Э. В. Именное словообразование в азербайджанском языке / Э. В. Сэвортян. – М. : Изд-во Восточной литературы, 1962. – 642 с.

65. *Сергеев, Л. П.* Чăваш аффиксологийĕ / Л. П. Сергеев. – Шупашкар, 2009. – 122 с.
66. *Сергеев, Л. П.* Чуваший язык / Л. П. Сергеев, Е. А. Андреева, В. И. Котлеев. – Чебоксары : Чуваший кн. изд-во, 2012. – 431 с.
67. *Соболева, П. А.* Аппликативная грамматика и моделирование словообразования : Автореф. дис. ... докт филол. наук. М., 1970. – 60 с.
68. *Современный татарский литературный язык.* Лексикология, фонетика, морфология. – М. : Наука, 1969. – 380 с.
69. *Тимофеев, В. Т.* Грамматика чувашского языка, Фонетика, морфология / В. Т. Тимофеев. – Чебоксары : Чуваший кн. изд-во, 1924. – 144 с.
70. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – Т. 1. – 856 с.
71. *Торопцев, И. С.* Словопроизводственная модель / И. С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 148 с.
72. *Улуханов, И. С.* О некоторых проблемах ономазиологии и словообразования / И. С. Улуханов // Труды Курского пединститута : Проблемы ономазиологии. – 1977. – Т. 175. – С. 10-12.
73. *Улуханов, И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1977. – 254 с.
74. *Федотов, М. Р.* Чуваший язык в семье алтайских языков / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваший кн. изд-во, 1986. – Ч. 3. – 128 с.

75. *Федюнева, Г. В.* Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке : дис ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Г. В. Федюнева. – Тарту, 1981. – 231 с.

76. *Харитонов, Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.

77. *Хохлачева, В. Н.* К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени / В. Н. Хохлачева. – М. : Наука, 1969. – 151 с.

78. *Хохлачева, В. Н.* Словообразование существительных в русском языке. Опыт системного описания : дис ... д-ра филол. наук. – М. : 1976. – 369 с.

79. *Ширшов, И. А.* Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке / И. А. Ширшов // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 109-122.

80. *Юлдашев, А. А.* Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке / А. А. Юлдашев. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 194 с.

81. *Янко-Триницкая, Н. Я.* Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах / Н. Я. Янко-Триницкая // Развитие современного русского языка. – М., 1963. – С. 83-97.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. <i>История изучения вопроса. Основные исходные теоретические положения</i>	4
Изучение глаголообразования в тюркологии	4
Исследование производных глаголов в чувашском языкознании.....	16
Принципы описания словообразования	27
Основные понятия словообразования	35
Основные единицы словообразования	40
Глава 2. <i>Формальная и семантическая классификация производных глаголов</i>	
О сущности словообразовательной модели	47
Модели глаголообразования в чувашском языке.....	57
Словообразовательная семантика производных глаголов.....	62
Классификация производных глаголов по семантическому признаку	75
Глава 3. <i>Функционально-семантические и структурные особенности средств глаголообразования</i>	
Структурно-семантическая характеристика производящих основ.....	80
Семантическая соотносительность производящих и производных основ	98
О функциональной природе аффиксов глаголообразования.....	108
Комбинаторная функция аффиксов глаголообразования	111
Грамматическая функция аффиксов глаголообразования	127
Транспонирующая функция аффиксов глаголообразования.....	134
Семантическая функция аффиксов глаголообразования	140
Заключение	146
Библиографический список	149

Научное издание

Андреева Евдокия Александровна

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Монография

Подписано в печать 26.09.14. Формат 60x84/16.

Бумага писчая. Печать оперативная.

Усл. печ. л. 9,9. Тираж 100 экз. Заказ № 2075.

Согласно Федеральному закону «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года
№ 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в отделе полиграфии
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

